

Василий Жуковский

Наль и Дамянти

, 0101

FB2: Василий Жуковский, 29.4.2016, version 1.0

UUID: f7e7bb54-6934-11e6-9614-0cc47a545a1e

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Андреевич Жуковский

Наль и Дамаянти

Содержание

Индейская повесть	0006
ГЛАВА ПЕРВАЯ	0013
1	0013
2	0019
3	0025
ГЛАВА ВТОРАЯ	0030
1	0030
2	0036
3	0045
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	0048
1	0048
2	0051
3	0055
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	0062
1	0062
2	0066
3	0073
ГЛАВА ПЯТАЯ	0081
1	0081
2	0087
3	0093
ГЛАВА ШЕСТАЯ	0101
1	0101
2	0107
3	0110

ГЛАВА СЕДЬМАЯ	0126
1	0126
2	0131
3	0138
ГЛАВА ОСЬМАЯ	0147
1	0147
2	0152
3	0157
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	0165
1	0165
2	0172
3	0178
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	0183
1	0183
2	0192
3	0196

**Василий Андреевич
Жуковский
НАЛЬ И ДАМАЯНТИ**

Индейская повесть [1]

*В те дни, когда мы верим нашим
снам
И видим в их несбыточности
быль,
Я видел сон: казалось, будто я
Цветущею долиной Кашемира
Иду один; со всех сторон вздыма-
лись
Громады гор, и в глубине долины,
Как в изумрудном, до краев лазу-
рю
Наполненном сосуде, – небеса
Вечерние спокойно отражая, —
Сияло озеро; по склону гор
От запада сходила на долину
Дорога, шла к востоку и вдали
Терялась, сливаясь с горизонтом.
Был вечер тих; все вокруг меня
молчало;
Лишь изредка над головой моей,
Сияя, голубь пролетал, и пели
Его волнующие воздух крылья.
Вдруг вдалеке послышались мне
клики;
И вижу я: от запада идет
Блестящий ход; змеєю бесконеч-*

ной

В долину вьется он; и вдруг я слышу:

Играют марш торжественный;
и сладкой

Моя душа наполнилася грустью.

Пока задумчиво я слушал, мимо

Прошел весь ход, и я лишь мог
приметить

Там, в высоте, над радостно шумящим

Народом, паланкин; как привиденье,

Он мне блеснул в глаза; и в паланкине

Увидел я царевну молодую,

Невесту севера; и на меня

Она глаза склонила мимоходом:

И скрылось все... когда же я очнулся,

Уж царствовала ночь и над долиной

Горели звезды; но в моей душе

Был светлый день; я чувствовал,
что в ней

Свершилось как будто откровенье

Всего прекрасного, в одно живое

Лицо слиянного. – И вдруг мой сон
Переменился: я себя увидел
В царевом доме, и лицом к лицу
Предстало мне души моей виде-
нье;
И мнилось мне, что годы проле-
тели
Мгновеньем надо мной, оставив
мне
Воспоминание каких-то светлых
Времен, чего-то чудного, ка-
кой-то
Волшебной жизни. – И мой сон
Опять переменился: я увидел
Себя на берегу реки широкой;
Садилось солнце; тихо по водам
Суда, сияя, плыли, и за ними
Серебряный тянулся след; вблизи
В кустах светился домик; на по-
роге
Его дверей хозяйка молодая
С младенцем спящим на руках
стояла...
И то была моя жена с моею
Малюткой дочерью... и я проснул-
ся;
И милый сон мой стал блажен-
ной былью.

И ныне тихо, без волненья льется
Поток моей уединенной жизни.
Смотря в лицо подруги, данной
богом
На освящение сердца моего,
Смотря, как спит сном ангела на
лоне
У матери младенец мой прекрас-
ный,
Я чувствую глубоко тот покой,
Которого так жадно здесь мы
ищем,
Не находя нигде; и слышу голос,
Земные все смиряющий тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Он говорит мне, веруй в бога, ве-
руй
В меня. Мне было суждено своею
Рукой на двух родных, земной
судьбиной
Разрозненных могилах те слова
Спасителя святыя написать;
И вот теперь, на вечере моем,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страни-
це
Их пишут для меня, дабы потом
На гробовой гостеприимный ка-

мень

Перенести в успокоенье скорби,
В воспоминание земного счастья,
В вознаграждение любви земныя
И жизни вечныя на упование.

И в тихий мой приют, от всех за-
бот

Житейского живой оградой сада
Отгороженный, друг минувших
лет,

Поэзия ко мне порой приходит
Рассказами досуг мой веселить.
И жив в моей душе тот светлый
образ,

Который так ее очаровал
Во время оно... Часто на краю
Небес, когда уж солнце село, ви-
дим

Мы облака; из-за пурпурных ярко
Выглядывают золотые, светлым
Вершинам гор подобные; и видит
Воображенье там как будто об-
ласть

Иного мира. Так теперь созда-
ньем

Мечты, какой-то областью воз-
душной

Лежит вдали минувшее мое;

И мнится мне, что благодатный
образ,
Мной встреченный на жизненном
пути,
По-прежнему оттуда мне сияет.
Но он уж не один, их два; и преж-
ний
В короне, а другой в венке живом
Из белых роз, и с прежним сходен
он,
Как расцветающий с расцветшим
цветом;
И на меня он светлый взор скло-
няет
С такую же приветною улыбкой,
Как тот, когда его во сне я встре-
тил.
И имя им одно. И ныне я
Тем милым именем последний
цвет,
Поэзией мне данный, знаменую
В воспоминание всего, что было
Сокровищем тех светлых жизни
лет
И что теперь так сладостно ча-
рует
Покой моей обвечеревшей жизни.

Дюссельдорф, 16/28 февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жил-был в Индии царь, по имени Наль.
Виразены

Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот

Наль был славен делами, во младости
мудр и прекрасен

Так, что в целом свете царя, подобного Налью,

Не было, нет и не будет; между другими
царями

Он сиял, как сияет солнце между звездами.

Крепкий мышцею, светлый разумом, чти-
тель смиренный

Мудрых духовных мужей, глубоко проник-
нувший в тайный

Смысл писаний священных, жертв сожига-
тель усердный

В храмах богов, вожделений своих обузда-
тель, нечистым

Помыслам чуждый, любовь и тайная дума

Дев, гроза и ужас врагов, друзей упованье,
Опытный в трудной военной науке, искус-
ный и смелый

Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче
же славный

Чудным искусством править конями – на
них же он в сутки

Мог сто миль проскакать, – таков был
Наль; но и слабость

Также имел он великую: в кости играть
был безмерно

Страстен. – В это же время владел Видар-
бинским обширным

Царством Бима, царь благодущный; он
долго бездетен

Был и тяжело скорбел от того, и обет пред
богами

Он произнес великий, чтоб боги его награ-
дили

Сладким родительским счастьем; и боги
ему даровали

Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались:
первый

Дамас, Дантас другой и Даманас третий;
а имя

Дочери было дано Дамаянти. Мальчики
были

Живы и смелы; звездой красоты расцвела
Дамаянти

Прелесть ее прошла по земле чудесной
молвою.

В доме отца, окруженная роем подружек,
как будто

Свежим венком, сияла меж них Дамаянти,
как роза

В пышной зелени листьев сияет, и в этом
собранье

Дев сверкала, как молния в туче небесной.
Ни в здешнем

Свете, ни в мире бесплотных духов, ни в
стране, где святые

Боги живут, никогда подобной красы не
видали;

Очи ее могли бы привлечь и бессмертных
на землю

С неба. Но как ни была Дамаянти прекрас-
на, не мене

Был прекрасен и Наль, подобный пламен-
но-нежной

Думе любви, облекшейся в образ телесный.

И каждый

Час о великом царе Нишадской земли Да-
маянти

Слышала, каждый час о звезде красоты
благородный

Царь Нишадский слышал; и цвет любви из
живого

Семени слов меж ними, друг друга не знав-
шими, скоро

Вырос. Однажды Наль, безымянной болез-
нию сердца

Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг
он увидел

В воздухе белых гусей; распустив златопе-
рые крылья,

Стаей летели они, и громко кричали, и в
рощу

Шумно спустились. Проворной рукой за
крыло золотое

Наль схватил одного. Но ему сказал чело-
вечьим

Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь,
я за это

Службу тебе сослужу: о тебе Дамааянти пре-
красной

Слово такое при случае молвлю, что только и будет

Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно

Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась

Прямо в Видарбу и там опустилася с криком на царский

Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев

Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать

Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,

Все рассыпались по лугу; с ними рассыпались так же

Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти

С гусем одним осталась одна; и Гусь, приосанясь,

Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,

В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет

Между людьми красавца такого. Когда бы

его ты женою

Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы

Плод родился от союза с его красотой могучей

Нежной твоей красоты. Вас друг для друга послали

Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,

О тихонравная, сладко-приветная, чистая дева!

Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много

Райских обителей неба видали; в стране великанов

Также нам быть довелось: но доньше еще, Дамайанти,

Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:

Ты жемчужина дев, а Наль – мужей драгоценный

Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрели

Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамайанти,

Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,

Вся побледнев от любви: Скажи ты то же и Налю.

Быстро, быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала

В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство

Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

2

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,

Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно

С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачась

Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабленье,

То подымая к небу грустные очи, то в землю

Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью —

Временем щеки как жар, временем блед-

ные, очи

Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке

Мысли, как волосы, – день и ночь Дамаянти вздыхала

Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,

Ниже покоя на месте ином; и, тая в болезни,

Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам

Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной

Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный

Слух и до Бимы-царя, что дочь его Дамаянти

Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал

Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало

Время любви для тебя, моя Дамаянти», – сказал он.

Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отовсюду на выбор

Съехали к ней женихи. Гонцов разослал
он по разным

Царствам индейским: царей приглашать
на праздник в Видарбу.

Только к царям и царевичам весть об этом
достигла,

Все снарядились в путь; с востока и запада
быстрый,

Шумный поток пути наводнил, наполняя
всю землю

Смутным гулом слонов, коней, колесниц и
до неба

Пыль густую подьемля. Сияя богатством
уборов,

Множеством ратников, блеском оружий,
пышностью броней,

Съехали гости в Видарбу; торжественно
встретил их Бима.

В это время странствовать вышел глава и
светило

Всех отшельников, праведный старец
Нерада; избранный

Спутник его был Первата блаженный. Из
пыльного мира

Темных гробов проникнул он в царство

небесного света,

В оный предел, где сад веселий цветет, где великий

Властвует Индра. В светло-воздушные сени вступили

Оба странника; их приветствовал радостно Индра;

Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,

Царь небесных тверди спросил гостей о здоровье

Их и целого света. «Владыка, – с поклоном Нерада

Индру ответствовал, – божеской милостью вашей здоровы

Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;

В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».

Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель

Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых

Споров решители, крови своей проливатели в битвах,

Смерти презрители, храбрые мира защитники? Ими

Светлую область мою населять я люблю; но напрасно

Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят

Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось

С племенем храбрых?» На это отвечивал Индре Нерада:

«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты

Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,

Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете

Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга

Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;

Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна

Стала земля, почему и в твою светозарную область

Гости давно не приходят». Покуда их дли-

лась беседа,

Прибыли к Индре его соучастники в миро-
державстве —

Агнис, властитель огня, Варуна, воды пове-
литель,

Яма, бог-земледержец. Услышав сказанье
Нерады,

Боги воскликнули с светлым лицом: «На
выборе этом

Будем и мы». И на быстрых конях, предво-
димые Индрой,

Боги пустились в Видарбу, куда все цари
собирались.

Тою порою и Наль, любовью сторая, лишь
только

Сведал о съезде великом в Видарбе, на
быстрых

Крыльях желанья помчался; нужды в ко-
нях не имел он.

Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели
Наля:

Был красотою он светел, как день; и боги,
пленясь

Той красотой, на него с изумленьем смот-
рели; четыре

Стихий властителя, в воздухе свой полет
удержавши,

Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец,
войск истребитель,

Наль Пуньялока. Хочешь ли нам оказать
ты услугу?

Нашим послом полномочным иди отсюда
в Видарбу».

3

Все исполню, – отвечив Наль; и, руки
сложивши

В страхе невольном, с видом покорным
спросил он их: – Кто вы,

Солнечным блеском одетые? С вестью ка-
кой повелите

Мне в Видарбу идти? Ему отвечив Ин-
дра:

«Знай, что мы боги бессмертные, спешшие
в мир для прекрасной

Дочери Бимы-царя Дамаянти, к которой от-
всюду

Сходятся ныне земные цари; я Индра, вла-
ститель

Воздуха; это Агнис, огня повелитель могу-

чий;

Это Варуна, двигатель вод, а это великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же,
что ныне

Наш ты посол, и вот что ты должен сказать
Дамаянти:

"Ведай, царица, что боги стихий – бог воз-
духа Индра,

Агнис огня, Варуна воды и Яма земли – к
нам

С неба сошли, чтоб из них одного избрала
ты в супруги!»

Руки сжав с умилением, Наль ответство-
вал Индре:

«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других
невозможно

Быть мне послом к Дамаянти; молю, от та-
кого посольства,

Боги, избавьте меня». На то отвечивал
Индра:

«Разве не ты, благородный нишадец, ска-
зал нам: исполню?

Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не
смей отрицаться».

Наль отвечал с замешательством: «Как же

дойду я к царевне?

Входы все заперты крепкою стражей». – «О том не заботься, —

Боги сказали, – дойдешь свободно, иди без боязни».

Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.

Он во дворец свободно проникнул и там
Дамаянти

Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший

Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала

Нежные члены ее, вожделенье любви пробуждая

В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали

Светом своим, как ее пленительно-девушечный образ.

Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном

Стройного стана ее; но он пересилил стремленье

Силы мучительной. Все подружки царевны вскочили

С мест, изумленные входом нечаянным
Наля; прекрасный

Образ его поразил их так, что им показало-
лось

Небо отверстым. Не смея его спросить,
меж собою

Тихо шептались они, повторяя: откуда
пришел он?

Кто он? какой он породы? райской? зем-
ной? исполинской?

Так вопрошали друг друга они, ослеплен-
ные блеском

Наля, очей на него поднять не смея (столь
боги

Прелесть его, уж и так неземную, блеском
небесным

Вдруг возвеличили). В это мгновенье пред
ним Дамаянти

С сердцевластительным взором, с улыб-
кой, чарующей душу,

Молча стояла, молча глядела и таяла тай-
ным

Пламепем. «Кто ты? – она напоследок спро-
сила. —

Кто ты, все озаряющий, прелестью дыша-

щий, душу

Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель

Царской дочери, всем затворенную, мимо царицы

Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь

Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царицы

Наль отвечал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу

Прислан, царица, тебя известить, что великие боги

Индра, Агни, Варуна и Яма спустились на землю

С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.

Их могуществом мог и сюда неслучайно пройти я;

Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская царица,

Сделай сама, что найдешь для себя и благом и приличным».

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Весть такую услышав, сначала богам Дама-
Вянти

Сердцем смиренным свою принесла благо-
дарность; с улыбкой

Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой из-
бранный

Светлый жених; я твоя, и все, чем я обла-
даю,

Все, что люблю я, каждое явное, тайное
чувство

Сердца, все мысли, желанья и жизнь, и все,
мой прекрасный

Царь, владыка души, твое без остатка. Что
белый

Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило;
и были

Все цари и царевичи созваны мною на вы-
бор

Только затем, чтоб привлечь и тебя; но ты
уж заране

Избран; отдаться тебе поклялась я, и был
ты

Здесь уж давно ожидаем; но только совсем
для иного.

Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично
являться

Здесь послом от других; и знай, что если
тобою

Буду отвергнута я, от которой приемлешь
ты ныне

Почесть такую, то все мне смертью будет:
вода ли

Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно;
нестерпимо

Женскому сердцу в любви безответно при-
знаться». На это

Наль видарбинской царевне отвечивал:
«Как же ты можешь

Вечным богам предпочесть обреченного
смерти? Как можешь

С теми, от коих жизнь истекает, кем дер-
жится зданье

Мира, ставить меня наряду, недостойного с
прахом

Ног их сравниться? Идущий против воли

бессмертных

Смерти навстречу идет. О пленительно
стройная дева!

Будь мне спасеньем, избравши небесное
вместо земного.

Легкость чистых, беспыльно-эфирных
одежд, неземные

Перлы, венки и повязки богов предпочти и
блаженствуй.

Что желанней тебе? Благовонный ли воз-
дух? Огня ли

Жертвенный пыл? Живая ли влага воды?
Иль твердыня

Вечной земли? Один, лазурно-воздушным
пространством

Мир объемля, движеньем и светом его на-
полняет;

Искрою в каждой пылинке таяся, другой
проникает

Все, разрушая тела и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цепью землю обвив

и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити
вплетает

В кудри свои; четвертый дает живущему

место,

Мертвому пристань и все создание на суд собирает —

Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бес-
смертным

Ты откажешь? Не делай того, послушайся
друга».

С трепетом сердца и влагой печали за-
тмивши сиянье

Светлых очей, отвечала ему Дамаянти:
«Всесильны

Вечные боги; я чту их всем сердцем и им
поклоняюсь

С верой; но ты мой жених; ты избран лю-
бовию; этой

Правды скрывать не хочу я». Так говоря,
Дамаянти

Очи стыдливо склонила и руки прижала к
дрожащим

Девственно чистым грудям с умоляющим
видом. Вздохнувши,

Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я
пред тобою

В сане посла, нарушу ль святую доверен-
ность? Буду ль

Ныне просить для себя того, что строго велит мне

Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха

Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,

Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,

Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О, друг, мы согласны

В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрёка и тени

Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшеньё

Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;

Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я

Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами

Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской

Девы принявши, Наль возвратился в то место, где были

Собраны боги. Посла своего издалека уви-

дя,

Миродержавцы спросили его с живым любопытством:

«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царицы?»

Наль сказал: «Посланником вашим проник я в жилище

Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,

Видимый только царице одной; конечно, то было

Так устроено вашею властью; с царицей нашел я

Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;

Но Дамаянти, прекрасный светло-смеющийся месяц,

В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,

Я объявлял ей, меня самого в затменье рас-судка

Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царица: «Пусть придут

Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;

Там, в присутствии сильных властителей
мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты
пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля
святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь,
умоляю,
Должность посла снимите с меня и свобо-
ду мне дайте».

2

Вот с наступлением дня пригласил царь Би-
ма на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собрались
в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры
их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли
сквозь золотые
Своды высоких дверей, как львы сквозь
расселину; в блеске
Свежих душистых венков, в серьгах драго-
ценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих

подушках;

Тесно их сонмище было, как львиная грива густая:

Полная ж ими палата казалась разинутым зевом

Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:

Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,

Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,

С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами

Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах

Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих

Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых

Глаз. И в собранье гостей вошла Дамаянти, чтоб ум их

Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать

Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы

К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом
Дамаянти

Взор свой водила; но тот, кто один был и в
сердце и в мыслях,

Ей не являлся. Вдруг видит царица пять
одинаких

Образов; были они перед нею; то к ней
приближались,

То от нее отходили; и каждый ей представ-
лялся

Налем, как скоро глаза на него она обраща-
ла;

Мысли ее помутились. Она подумала: «Что
мне

Делать? Как четырех богов отличу я от На-
ля?»

Взоры ее напрасно божественных знаков
искали.

«Знаков, о коих дошли к нам издревле ска-
занья, не носит

Здесь на себе ни один из видимых
мною», – царица

Думала. Вот наконец, по долгом с собой
размышленьи,

Так решила она: «К богам подойду я с мо-

литвой;

Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,

Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царица

Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,

Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;

Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,

Если молюся вам с теплою верою, если вы сами

Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,

Если его я любить поклялася и если должны быть

Клятвы священны, то мне вы его покажите, благие

Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».

Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянти,

Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,

Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и
светлый

Ум, согласились немедля ее желанье ис-
полнить

Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаян-
ти

Их мгновенье узнала по зорко-спокойному
оку,

Лицам беспотным, светло-нетленным вен-
кам, недоступным

Пыли белым одеждам, бестенному телу и
дивной

Легкости быстрых движений, с какою они
перед нею

Веяли с места на место, земли не касаясь
ногами.

Рядом с ними, полуотененный, в венке уж
завядшем,

Пылью и потом покрытый, стоял на земле
с помраченным,

Грустно потупленным взором задумчивый
Наль. Дамаянти

Вызвала тотчас его из середины бессмерт-
ных и выбор

Свой изъявила обычным обрядом, смирен-

но коснувшись

Края одежды его и на кудри его наложив-
ши

Свой душисто-блестящий венок. Совер-
шился великий

Выбор; со всех сторон раздались торже-
ственно клики;

Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выбор одобряв, воскликнули: Слава! счаст-
ливому Налю.

Он же, полный блаженства любви, своей
нареченной,

Робко краснеющей, очи склонившей, дро-
жащей невесте

Так сказал с трепетанием сердца, но голо-
сом твердым:

«Если могла при бессмертных богах ты
смертного мужа

Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женой
именую,

Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доко-
ле

Будет дух жизни в теле моем, дотолѣ, о де-
ва,

Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положишь; отныне
тебя я

Буду питать, защищать, и чтить, и хра-
нить, и останусь

Верен тебе всегда, во всем, и словом и де-
лом,

Радость и горе, богатство, и бедность, и все
неизменно

В жизни с тобой разделяя». Обет такой про-
изнесши,

Светлый жених перед всеми своей луче-
зарной невесте

Дал целомудренно первый любви поце-
луй; и друг другом

Долго в блаженстве немом любовались
они; напоследок,

Вспомнив, что боги близко, и царь и царев-
на пред ними

Пали с молитвой; и боги скрепили своей
благодатью

Брак их; податели всякого блага, они даро-
вали

Налю четыре великие силы: могучий вла-
ститель

Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом

Месте простор находить и везде освежаться прохладой

Бог огня даровал обладанье огнем и возможность

Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земныя

Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен

Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора

Пищи; владыка воды наградил могуществом воду

Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.

Так одаривши царя, и царевне все четверо вместе

Дали одно обещанье: что брака их радостью будут

Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость

Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними

Вслед и цари и царевичи, выбор невесты

одоблив,

В путь обратный пустились. Царь Бима,
увидя, что схлынул

Этот прилив гостей, устроил свадебный
праздник.

Наль, сочетавшись с своею царевною, про-
был в Видарбе

Первые дни в веселье и в радости сладкой;
потом он

В царство свое, блаженный, прославлен-
ный, с милой женою,

Честию жен, звездой красоты и любви, воз-
вратился.

Там в благовонных рощах, в роскошных
царских палатах

Он благоденствовал, тихо и сладостно кап-
лю за каплей

Жизни из чаши одной выпивая с ней вме-
сте, вкушая

Мир и свободу, в молитве, в забавах, в тру-
де и покое,

Правду творя и на счастье народном свое
утверждая.

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвра-
щаясь,

Встретили адского бога Кали. Провожаем
Двепарой,

Странствовал он по земле. «Куда направля-
ешь ты путь свой?» —

Индра спросил. «В Видарбу, — Кали отве-
чал. — Дамаянти

Будет моею женою; мне в мысли пришло,
что я должен

Ею быть выбран». С улыбкой отвечивал
Индра: «Уж выбор

Сделан; ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали, услышав от Ин-
дры такую

Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда
Дамаянти

Смертного мужа посмела богам предпо-
честь, то над нею

Страшно должна отмщена быть такая оби-
да». На это

Боги света мрачным богам отвечали: «По
воле

Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад
и прекрасен

Наль лишь одною б лишенною смысла он
мог быть не избран,

Он, непорочный, уставов святых постоян-
ный блюститель,

Книг духовных внимательный чтец, своим
правосудно

Правящий царством; он, у которого в доме
усердно

Приняты с почестью, с сладко-душистыми
жертвами боги;

Он, правдивый, твердый и кроткий,
людьми и богами

Чтимый; он, строгий обетов хранитель, он,
одаренный

Набожным сердцем, великой душою, сми-
реньем и силой;

Он, в котором терпенье, умеренность, бла-
гость в единый

Образ божественной прелести слиты... Ка-
ли, кто враждует

С праведным Налем, тот скройся в пропа-
сти ада, на муку

Вечную». Так отвечав, удалилися боги на

небо.

Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре

Молвил Кали: «Не прощу никогда я обиды; теперь же

В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, свергнуть в погибель;

Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий

В кости игрок), поселился в костях и будь мне помощник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

С замыслом злобным своим притаился в
Собители царской

Наля коварный Кали. Он все выжидал,
чтоб удобный

Случай открылся ему совершить предпри-
ятое; шесть лет

Ждал он напрасно; в седьмой год предстал
наконец благосклонный

Случай: ко сну отходя, позабыл совершить
очищенье

Царь, и в тело нечистое дух нечистый все-
лился.

В сердце Наля проникнул Кали, и святое
жилище

Мирной невинности сделалось мутно от
злых помышлений

Был у Наля сводный брат Пушкара. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участ-
ком довольный;

Хитрый Кали, овладевши сердцем смирен-

ного Наля,

Вот что сказал в сновиденье Пушкаре:
«Возьми ты скорее

Кости, и к Налю иди, и игру о царстве Ни-
шадском

С ним заведи, и будет твоим Нишадское
царство;

Весь проиграется Наль». Пушкара, пре-
льщенный нечистым

Духом, взял кости, в которых уже скрывал-
ся Двепара,

К Налю явился и вызвал его на игру; заго-
релся

Бешеной страстью Наль, запрыгали кости,
и смертный

Бой начался; и царь, как безумный, ставил
на кости

Все: драгоценные камни, золото, утварь,
одежды.

Замки и земли, и все, одно за другим,
ослепленный

Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно
его Дамаянти

Бросить игру умоляла; ее он не слушал.
Смутились

Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;

Вот Дамаянти слышит, что все они собрались

В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит

Их злоключенье такое; и в горьких слезах Дамаянти

Так сказала царю: «В твоей обители весь твой

Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает

Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй

Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали

Быстро из глаз Дамаянти, но царь не внимал ей, враждебной

Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,

Видя, что Наль их моления отверг, разошлись, помышляя

С горем глубоким и тяжким стыдом: он более не царь нам!

Кости же тою порой как живые летали; все

жарче

Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

2

Видя, что муж от игры был совсем без ума,
Дамаянти

Стала думать о том, каким бы средством от
близкой,

Им обоим грозящей беды защититься; но
трудным

Ей показалось спасенье; безумный Наль
поминутно

Область за областью брату проигрывал.
Вот Дамаянти

С горем сказала кормилице старой своей
Врихазене,

Чтимой всеми в доме царевом, советнице
умной:

«Друг мой, кормилица, слушай; ко мне собери поскорее

Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,

Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».

Вот собралися советники; их повела Дама-
янти

К Налю, который играл беспробудно. К
нему приступила

С ними царица и, плача, выслушать их
умоляла.

Но очарованный Наль был глух, и слеп, и
бесчувствен;

Он не взглянул на нее, не сказал ей ни сло-
ва,

Все продолжал по-прежнему с братом иг-
рать и стоявших

В горе и страхе пред ним вельмож не при-
метил. Утратив

Всю надежду, они с содроганьем оставили
царский

Дом. Царица же долго в лицо безумному
Налю

С страхом смертельным смотрела; а между
тем роковые,

Налю враждебные, брагу его благосклон-
ные кости

Стуком своим беспрестанным и пуще ее
ужасали.

«Слушай, кормилица (так, наконец, Дама-

янти сказала

Верной своей Врихазепе), беда наступила;
скорее

Кликни Варшнею, правителя коней царевых». Когда же

К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,

Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, спутник

Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем

Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой

Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто

Против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен

Духом враждебным; забыл о народе, о ближних, не внемлет

Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта

Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,

Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно

Жду со страхом и трепетом я, что царь мой
погибнет,

Все проиграв; но еще не проиграны цар-
ские кони

Быстролетучие; сядь в колесницу его и
немедля,

Прежде чем наша гибель вполне совер-
шилась, в Видарбу

К Биме, отцу моему, детей отвези; покло-
нися

Сродникам всем и знакомым моим; когда
же отдашь ты

Все, и сироток моих и царских коней с ко-
лесницей,

Биме, тогда ты будешь волен иль остаться
в Видарбе

Или идти в иную какую землю, куда ты
Сам пожелаешь». Варшнея, верный прави-
тель царевых

Коней, выслушав то, что ему Дамаянти
сказала,

Созвал советников царских; когда же и те
согласились

С умным желаньем царицы, то, взяв детей,
он поехал

С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,

Отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы

Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжелой

Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,

В службу вступил к царю Ритуперну правителем коней.

3

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля

Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой

Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,

Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти

Только и есть у тебя; твое же добро оставшее

Все мое; отведаем счастья. Чьею женою

Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»

Это услышав, Наль содрогнулся, вздохнул

и ни слова

Не был в силах промолвить; но, мрачно
взглянувши на брата,

Снял с себя все уборы и, только одно сохра-
нивши

Бедное платье, нищий, ограбленный, царь
благородный

Вышел смиренно из царского дома,
несметных сокровищ

Полного; следом за ним, без роптанья судь-
бе покоряся,

Также одно лишь платье сберегши, пошла
Дамаянти.

Ночь они провели без ночлега; под смерт-
ною казнью

Их принимать запретил Пушкара гражда-
нам Нишады;

Новый царь был страшен, и так ни единый
из прежних

Подданных не дал приюта царю бесприют-
ному. Близко

Города, голод и жажду терпя, одним безот-
радным

Горем богатый, три дня и три ночи сряду
скитался

Наль; потом он дале пошел, печальный, голодный;

Следом за ним пошла Дамаянти; для скудных пищи

Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло уж

Несколько дней печального странствия; голод жестоко

Мучил однажды обоих. Вдруг две золотокрылые птички

Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня

Пицца», – сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши

С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.

Что же? С ним вместе птички взвились на воздух и, видя,

Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:

«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно

Мы сюда прилетели, чтоб взять у тебя остальное

Платье; нам было досадно, что ты, совсем

проигравшись,

С платьем еще оставался. Прости, безрас-
судный; счастливый

Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Да-
маянти,

Те, от которых такую беду я терплю, кто
лишили

Царства, покоя и счастья меня, от которых
не смеет

Ныне меня принимать ни один из нишад-
цев, – под видом

Птиц златокрылых сюда прилетали, дабы
остальное

Платье похитить мое. И теперь я, сил и
рассудка

Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти,
на выбор

Все отдаю. Та дорога ведет по горам Риша-
ванским

Прямо в Авантскую землю; здесь по скло-
ненью Виндийских

Гор, вдоль излучистой светло-шумящей
Пайошни проникнешь

В те места, где отшельники в кельях свя-
тых обитают;

Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль гово-
рил; но рыданье

Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились
по прекрасным,

Бледным щекам. Она ему отвечала чуть
слышным

Голосом: «Сердце мое замирает, и я от пе-
чали

Вся цепенею при мысли одной о том, что
так сильно

В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой,
тревожит.

Царства лишенный, счастье утративший,
голодом, жаждой,

Всякой нуждою томимый, царей красота,
мой единый;

Друг, как мог пожелать ты, как мог ты по-
думать, чтоб было

Мне возможно покинуть тебя, от тебя отка-
заться?

Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного
голодом, жаждой,

Горем о счастье погибшем томимого, буду
и в диком

Лесе и в знойной степи утешать я и словом

и взглядом.

Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства

Верной жены». – «О! правда твоя, Дамаянти, – с улыбкой

Наль ответственвал, – нет для несчастного лучше лекарства

Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли

В ум твой войти подозренье такое? Скорее с своею

Жизнью расстануся я, чем с тобою, сокровище жизни».

«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?

О, мне страшно! о свет мой прекрасный, останься со мною!

Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.

Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;

Вся душа во мне замирает от горя и страха.

Если же. хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,

Вместе пойдем; видарбинский царь, роди-

тель мой, Бима,

Радостно примет тебя и твоим утешителем
будет;

В почести будешь со мною ты жить под
отеческой кровлей».

Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет,
что отец твой

Радостно примет меня и пристанище даст
мне в Видарбе;

Но, бесприютный и нищий, туда не пойду
я. Могучим,

Славным, богатым, подателем счастья тебе
я оттуда

Вышел; могу ли туда возвратиться бес-
сильным, бесславным,

Нищим, счастья жизни твоей разрушите-
лем? Лучше

Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пой-
ду в одинокий

Путь по горам, по долинам, питаюсь возду-
хом, жажду

Свежей росой утоляя, чтоб только лишь
солнце и месяц

Ныне нас страждущих видели, прежде нас
видев блаженных».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Так утешал сокрушенную спутницу Наль;
Дамаянти,
Нежно к нему прижимаясь, одела его половиной
скудной одежды своей; и так под одним покрывалом,
Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамянти
Также заснула. Но сон царя злополучного длился
Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,

Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастье;

Странствие в диких лесах и степях его ужасало;

Ум его помутился. «Что за судьба! – про себя он

Так говорил, – не лучше ль мне смерть, чем изгнание и бедность?

Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль

Ей без вины разделять мое заслуженное горе?

Розно со мною она к родным возвратится; со мною ж

Вместе уделом ей будет страдание одно; так не лучше ль

Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро

В нем утвердилась мысль, что ему Дамаянти покинуть

Должно. «Где бы она ни была, – он сказал, – никакая

Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,

Зла приключить не дерзнет; опасность мо-

жет грозить ей

Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».

Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.

«Как же мне быть? – наконец он сказал. – Я наг; уж не взять ли

Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать

Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых

Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел

Ржавый кинжал без ножон; поспешно, с радостью дикой

Этот кинжал он схватил, и им половину отрезал

Платья у спящей жены, и той половиной покрылся.

После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он

Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,

Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холдный

Дунуть не смел, которую знойное солнце
не смело

Жарким лучом потревожить, краса моло-
дая, услада

Жизни моей, подобно безумной, в обреза-
ном платье

Здесь на жестком камне лежит. О, ангел
небесный,

Свет души, Дамаянти, что будет с тобою,
когда ты

Боле меня не найдешь? О, дочь прекрасная
Бимы,

Как же ты будешь бродить, не имея защит-
ника в диком

Лесе, где львы и тигры живут, где змеи
гнезятся?

О, вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную
младость!

Самый же верный ей щит – ее непороч-
ность святая!»

Так сказав, опять удаляется Наль от бес-
печно

Спящей спутницы, снова приходит, снова
уходит,

Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.

Но, наконец, Кали одолел: трепещущий, бледный,

Тяжко стеною, чуть движа ногами, пошел он и скоро

Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

2

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти

С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь

Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся

Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;

Вдруг она закричала отчаянно – жалобным криком:

«Наль!» – но ответа ей не было. «Царь мой, – она возопила, —

Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели

Мог ты покинуть меня в такой неприют-

ной пустыне?

Я умру от страха в этом лесу; возвратися,
Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня
обманул ты?

Мог ли ты слово нарушить свое и меня,
беззаботно

Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в ка-
кую

Сторону, милый, пошел? Подожди, возвра-
тисся; как мог ты

Бросить жену, полжизни твоей? Иль над
нею, невинной,

Хочешь отметить чужую вину? Но вспом-
ни же, что ты

Ей обещал в присутствии вечных богов? О!
теперь я постигла

В горе моем, что нам умереть в не указан-
ный свыше

Час нельзя – иначе могла ли б прожить я
единый

Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пу-
гаешь

Шуткой меня; перестань же, мой друг; от
шуток подобных

Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; во-

ротися;

О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься;
дай же

Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В
какую

Чащу лесную ты скрылся, чтоб душу мою
растревожить?

Ах! но если ты вправду со мною расстался
и если

Боле ко мне не придешь и мне не подашь в
утешенье

Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет
с тобою,

Всеми на свете оставленным, грустным,
усталым, голодным,

Жажущим? О, мой милый, что будет, что
будет с тобою

В те минуты, когда ты, меня уж не видя
очами,

Будешь видеть душою и будешь звать, и
нельзя уж

Будет дозваться меня, и уж боле меня ты
не встретишь?...»

Так говорила в печали своей Дамаянти, то

плача

Горько, то падая с тяжким рыданьем на
землю, то с громким

Криком с земли подымаясь и лес наполняя
стенаньем.

Вот после долгого плача, рыданья, крика и
стога,

С чувством живого к нему сожаленья, она
возопила:

«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и зло-
ба такое

Зло приключили царю моему, пускай ис-
пытает

Он, ненавистный, сугубое зло; пускай иску-
ситель,

Чистую душу царя моего увлекший в такое
Дело, все муки мои в свою нечистую душу
Примет». Так проклявши врага, по дикому
лесу,

Полному злых людей и чудовищ, пошла
Дамаянти

Медленным шагом куда глядели глаза и
твердила

Грустною горлицей: «Милый, возлюблен-
ный, где ты?», и слезы

Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.

Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным

Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,

В ветвях древесных склубившись, стерегшая. Сжатая в крепких

Кольцах чудовища, только о милом своем Дамайанти

В час гибели думала. «Где ты? – она восклицала. —

Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько

Горько будет подумать тебе, когда возвратишься

Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул

Так беззащитно в лесу на гибель. Отныне кто будет

О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном

Лесе, в знойной степи, утомленного горем, болезнью,

Голодом, жаждой томимого, в зной полу-

денный, в жестокий

Холод ночной утешать, ободрять и покоить? Меня уж

В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал

Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив

Метким копьем, змею умертвил. Спасена Дамаянти.

Выпутав нежные члены ее из губительных колец,

Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?

Дева с глазами живой антилопы, какою судьбою

В эту пустыню зашла ты и вверглась в такую опасность?»

С грустно-приветной улыбкой повесть свою Дамаянти

Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою

Видя полуобнаженную, с девственно полною грудью,

С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном

Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем

Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою

Их осенившими, он во мгновение зверской любовью

Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки

Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он

К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом

Очи ее, как небесная молния, вспыхнули; грозно

Душу пронзающий взор на него она устремила.

«Если то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела

Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,

Враг ненавистный, на землю!» – сказала она, и лишь только

Гневное слово язык произнес, как уже святотатец

Мертв перед нею лежал, убитый ее заклин-

наньем.

3

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти
пустынным

Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился

Лес; деревья сплетались ветвями; мошки, густою

Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный

В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей

Слышался ей; нигде дороги не было; всюду Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались

Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;

Вправе и влеве, в кустах и в вершинах деревьев раздавались

Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.

Лес, наконец, уперся в высокую гору, где жили

С давних лет великаны и карлы, которой

вершина

В небо вдвигалась, а темное чрево храни-
лицем редких

Камней было. Там чудно скалы на скалы
громоздились;

Были живым серебром по бокам их ключи;
водопады

Мчались, сверкали, кипели, ревели меж
скал; неподвижно

Черная тень лежала в долинах, и ярко бли-
стали

Голые камни вершин; в бездонно-глубоких
пещерах

Грозно таились драконы и грифы. Такою
дорогой

Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неиз-
менной

Верностью к другу, ей изменившему, с
сердцем смиренным,

С чистым в душе целомудрием, с верой, не
знающей страха;

Шла она, шла и пришла в пустынное ме-
сто; и в грустных

Мыслях о друге далеком младые уста рас-
творила

К жалобе нежной и так, поминая его, говорила:

«Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?

Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном

Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный

Жертв приноситель богам, позабыть о нашем союзе?

Ведды читатель, как мог ты обет свой нарушить? Как можешь

Добрым молиться богам, повелевшим тебе быть защитой

Данной ими жены, как и мне они повелили

Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты

Слово нарушил? Виной ли какою я то заслужила?

Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй: зачем ты

Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?

Или открой мне, где ты теперь веселишь-

ся, оставив

В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нишадский

Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;

Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бимы

Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти —

Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает

Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели

Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,

Брошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,

Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей

В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,

Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебе не могу я;

Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;

Ты, из людей благороднейший, блеском
очей, величавой

Стройностью стана, лица красотою боже-
ственный, где ты?

Где ты? И где тот, кому б мне сказать: Не
видал ли ты Наля?

Кто б мне отрадное слово промолвил в от-
вет: Твой прекрасный,

Твой желанный, о ком ты так плачешь, так
сетуешь, близко! —

Вот бежит владыка лесов, острозубый, мо-
гучий

Тигр; я без страха к нему подойду и скажу:
благородный

Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дама-
янти,

Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в го-
ре,

В страхе, в нужде, за ним безотрадно бро-
дящая; где он?

Если ты знаешь об этом, зверей повели-
тель, скажи мне;

Если же нет, то скорее меня растерзай,
чтоб от муки

Душу мою исцелить. Но, мои молящие

вопли

Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,

Мимо, ответа не дав мне, из лесу уходит. Я вижу,

Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый

Пышным венцом из деревьев и кустов благовонных, цветами

Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых

Скал, насквозь просиянный металлами, рек и потоков

Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни

Сторож, владыка гор, – подойду и скажу: о владыка

Гор перевозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,

Тучеподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;

Слезно тебя, о, великий, молю, скажи: не видал ли

Наля? Я дочь благодушного Бимы-царя, Дамаянти;

Сын Виразены, Наль Пуньялока, супруг
мой, Нишады

Царь богомудрый, глубоко постигнувший
Ведду святую,

Чистый и мыслью, и словом, и делом гони-
мых защитник,

Зла истребитель, сеятель благ, мне данный
богами

Спутник, покинул меня, и, расставшись с
ним, я рассталась

С жизнью. Ныне к тебе прихожу, много-
главный властитель

Гор, с высоты все объемлющий оком, ска-
жи: не видал ли

Наля? Ответствуй, могучий создания пер-
венец; словом

Сладкой надежды утешь сироту, как отец
утешает

Дочь сокрушенную: где мой возлюблен-
ный? где мой желанный?

Где мой прекрасный, мой более жизни мне
милый спутник?

Где мой царь, мой владыка, мой вождь,
мой ангел-хранитель?

Рвется сердце к нему; по нем душа уныва-

ет;

Очи ищут его, и голоса милого жаждет

Слух, и грудь стораает желаньем прижаться

ко груди

Жаркой его... О! когда же придется услы-

шать мне снова

Милое слово из сладостных Нелевых уст:

Дамаянти!»

Так говорила в своем сокрушенье с горою

пустынной

Бедная царская дочь, но гора не дала ей от-

вета.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи

Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно-густая

Роща из райских дубов; кругом живая ограда

Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем

Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрекшись.

Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых

Полные, чистой душой на земле небожители, в этой

Роще жили они, с собою розно, с одними богами

В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой

Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот

В дикой пустыне сокрытый эдем Дамаянти; там было

Все благовонно; цветы и плоды сияли меж
темных

Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы

С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами

С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев

Ползали, перьями ярко блестя, попугаи.
Свободно

Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;

Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,

Темно-кудрявая, сладостно-стройная, тихо,
как будто

Вея по воздуху, к старцам святым подошла
Дамаянти;

Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:

«Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль

Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь

покаянья?

Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам

Все ли во благо?» Они отвечали: «Все нам во благо;

Будь равномерно во благо все и тебе. Но скажи нам,

Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый

Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,

Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,

Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня

Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким

Горем гнетомая, смертная женщина; вам, благодушным

Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,

Славнодержавный Бима отец мой; властитель Нишады,

Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,

Светлый душою, неба достойный земли
уроженец,

Правды и защитник, правды вещатель, бо-
жественно-царским

Блеском сияющий, градохранитель, гра-
дорушитель,

В светлых очах и солнца и месяца блеск
совместивший,

Наль мой супруг, игроком коварно-искус-
ным был вызван

В кости играть; и ему все царство свое про-
играл он.

Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пусты-
ням

Вслед за Налем скитаюсь, крушимаая горем,
и ныне,

Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб
узнать, не встречался ль

Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не
видали ль в эдемской

Роще своей вы его, за которым я следуя
этот

Полный тиграми лес перешла? Скажите
мне, старцы,

Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше

ль покинуть

Жизнь? О! на что мне она? одно нестерпимое время

Жизнь без него, усладителя жизни». На жалобы царской

Дочери, с нежным об ней сожалением, так отвечали

Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!

Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,

Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной

Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет

Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;

Снова он будет царем, от вины невольный чистый,

Царски венчанный, грозный врагам, утешение ближним,

Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшенья,

Прежний твой друг, твой сопутник, советник, защитник – и все то

Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье
и верность...»

То сказавши, тихо исчезли пустынники;
с ними

Вместе и утвари их, и жертвенный огонь, и
молитвы

Место, и свежесть эдемски сияющей рощи
исчезли...

В темном лесе одна Дамаянти осталась, и
было

Все пустынно кругом. Дамаянти сказала:
«Не сон ли

Мне привиделся? Где святые отшельники?
Где их

Роща? Где их живые ключи, их птицы, их
звери?

Где их цветы благовонные?» Так в изумле-
нье подумав,

Снова печали своей предалась Дамаянти;
но чудный

Призрак ее ободрил, и пошла с упованием
дале.

По лесу долго скиталася в горе своем Дама-
янти;

Вдруг попадается ей деревцо, одаренное
чудной

Силою душу целить; у людей его называют
Дерево Гореуслад, у богов Азока. Царевна

К этому дереву, лес оживлявшему запахом
сладким

Цветом покрытому, с сенью густою, про-
никнутой звонким

Пением птиц голосистых, тотчас подошла
и заводит

Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чуд-
ный, прекрасный

Гореуслад, благовонный Гореуслад, услади
ты

Горе мое; цветущий Азока, скажи, не видал
ли

Ты моего супруга, царя нишадского Наля?

Где он скитается? Помнит ли он обо мне?

О! порадуй

Сердце мое доброю вестью о нем, цвето-
носный Азока;

Дай мне уйти от тебя с утешением; сам же
в приюте

Леса цветы, никем не обиженный, чистый,
душистый,

Сладостный Гореуслад, усладитель всякого
горя».

Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного
древа

Ветку; потом, с ним прощаясь, примолви-
ла: «С этою веткой

Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я
с собою;

Ты же, свободный от скорби, печали, нуж-
ды и заботы,

Здесь оставайся, и если царя моего ты уви-
дишь,

Молви ему, что отсюда печальное все унес-
ла я,

Дай ему тень и покой, чтоб под кровлей
твоей беспечальной,

Гореуслад, он мог, отдохнув, усладиться от
горя».

С сими словами прекрасная царская дочь
удалилась;

Снова пустынным лесом пошла, и снова

перед нею

Стали являться деревья с широкою сенью,
крутые

Горы, скалы разнovidные, темные дебри,
потоки;

В ветвях деревьев гнездились, шумели,
порхали и пели

Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши
попадались

То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то
пантера.

Так Дамаянти скиталася долго. Вдруг на
широкой,

Чистой поляне представился ей караван
многолюдный;

Лес оглашался криком людей, скрипеньем
повозок,

Ржанием конским, топотом тяжким сло-
нов и верблюдов

Вдоль широкой реки, густым тростником
опушенной

(Где укрывались цапли и белые лебеди
звучно

Голос свой подавали, где светлая влага ки-
пела

Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.

Кинулась к людям навстречу царица; ее появление

Всех поразило; полунагая, одним покрывалом

Шелковых длинных волос, по плечам и грудям в беспорядке

Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,

С горя иссохшая, вся в пыли, но все как небесный

Ангел прекрасная – так им явилась в лесу Дамаянти.

В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно

Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные, Боле имея рассудка, приблизились к ней с состраданием.

«Кто ты, образ небесный? – спросили они. – Для чего ты

В этом лесу? Земной ли ты человек иль создание

Высшее, горный могучий дух, иль дева потока,

Или иная бессмертная? Будь нам встреча с тобою

Знаменьем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу

Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,

Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,

Бедная, жалкая странница я; мой отец – видарбинский

Царь; мой супруг – обладатель Нишады, Наль знаменитый;

С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.

Если что слышали вы о владыке моем, то скажите,

Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,

Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»

Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,

Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж

Странствуем мы, нам доньше никто не

встречался, кто б имя

Наля имел; оленей, медведей, буйволов,
тигров

Много в этом лесу; но до сих пор еще чело-
века,

Кроме тебя, мы здесь не видали». – «Куда ж
вы идете?» —

Снова спросила его Дамаянти. «Идем в зна-
менитый

Город Шедди, – ответственвал Зуччи, – им
ныне владеет

Царь Сувегу, и в царском дворце его обита-
ет

Вместе с ним его благодушная мать, драго-
ценный

Перл добродетели женской». Услышав о
том, Дамаянти

В город Шедди решила идти; пристать к
каравану

Зуччи ее пригласил. С караваном пошла
Дамаянти.

Долго с печалью одна бродив по лесам, Да-
маянти

Спутников много имела теперь, но была и
меж ними

Все, как и прежде, с печалью одна. По го-
рам, по долинам

Шумным потоком валил караван. Вот од-
нажды с закатом

Солнца они очутились у тихого озера;
в темном

Лесе скрывалось оно; берега облекались зе-
леным

Бархатом свежей травы; как стекло, непо-
движно прозрачны

Были воды; и в чистом зеркале их водяные
Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
Легкие струйки, ласкаясь к ним, осыпали
их листья.

Берег кругом был излучист, и воды в него
то глубокой

Бухтой входили, то он в их широкое лоно
зеленым

Мысом вдавался. Усталые путники, в этом

приютном

Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов

Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым

Небом, и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване

Все как мертвые были от сна) с горы прибежала

С страшным храпеньем стая диких слонов, чтоб в потоке

Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.

Но, почуявши близость слонов каравана, с свирепым

Бешенством, пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших

Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ

Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой

Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,

Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих

Сонных людей. Со стоном и криком все поднялись,

Все смешались – слуга, господин, старик и младенец;

Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная,

Что за беда и откуда, кто в лес, кто к воде побежали.

Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье

Черных огромных теней, давимые тяжелой ногою,

Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным,

В диком беспомоществе, люди, верблюды и кони бросались

Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили,

Сияясь спастись: те кучей на дерево лезли, цепляясь

Низшие за ноги высших, и падали вместе, другие

В яму свергались, или набегали на камень, иль в воду

Слепо кидались: разом исчез караван мно-

голюдный.

Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла;

Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель

Общая – общим и всякое стало богатство; берите

Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов,

Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте;

Нищий нынче – завтра будет богач...» И погибли

Все кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастись.

В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду

Гибель, проснулась хранимая силой богов Дамайанти.

Видя очами такой дотоле невиданный ужас,

Видя и слыша, как мчалась смерть над ее головою,

Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила

Только о миллом, далеком, навек покидае-
мом друге.

Но когда миновалася буря и снова все ста-
ло

Тихо в лесу, собрались понемногу спасен-
ные. «Чем мы

Гнет несказанный такой на себя от богов
обратили? —

Так рассуждали они. — Позабыли ль по-
чтить мы дарами

Бога сокровищ хранителя? Иль караваном
был встречен

Кто-нибудь, дерзкий хулителъ бога торгов-
ли? Иль птицы,

Нам враждебные, в эту ночь пролетели
над нами?

Или было влиянье зловредных планет?...»
Напоследок

Вот что сказали они: «Вся беда нам от
встречи

С этой безумной, нагой, исчахлой и блед-
ной бродягой.

Кто она? Чародейка, жена иль дочь вели-
кана,

Небом проклятая? Если опять на глаза по-

падется

Эта волшебница нам, то ее мы не добрым
приветом,

Камнями встретим. Она своим колдов-
ством погубила

Наш караван». Такие слова в темноте Да-
маянти

Слыша, с печалью, стыдом и страхом в ча-
щу лесную

Скрылась. «О, горькая участь моя! – она го-
ворила,

Тяжко рыдая. – О счастье, меня обманув-
шее! снова —

Целым светом покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Делом, иль словом, иль мыслью зло при-
ключила? Знать, в прежней

Жизни была я преступна; за то и в тепе-
решней должно

Мне до гроба страдать, за то и гоненье та-
кое

Мне от людей, за то и разлука с супругом,
утрата

Царства, от милых детей и от милых род-
ных отлученье,

Странствие по лесу, полному тигров и змей, неприютность

В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе».

Утро меж тем занялось; в небольшую толпу собрались

Все, не погибшие в страшную прошлую ночь, и в дорогу

Снова отправились, плача о горькой утрате богатства,

Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими

В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало

Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила,

Плача, она) такую беду на себя навлекла я?

Злая участь моя и слонов приманила на гибель

Этих несчастных, мне давших защиту; зато и должна я

Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком

Горе моем всю истину древнего слова: без воли

Неба никто не умрет, и моей истерзанной
груди

Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы
совершиться

С нами ничто не может на свете; я за со-
бою

С самых младенческих лет никакого не ве-
даю злого

Дела, не помню ни мысли худой, ни винов-
ного слова —

В том ли мое преступление, что я для пре-
красного Наля

Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж
гневные боги

Мне за земную любовь безотрадной зем-
ною печалью?»

Так говоря, Дамаянти пошла по следам ка-
равана

Издали, в чаще таяся лесной, как в облаке
месяц.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Вот наконец Дамаянти дошла до города Шедди.

Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдяся

Бедной одежды своей, обрезанной Налем, и смятых

Долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.

Жители города Шедди, встречаясь с ней, удивлялись

Странному виду ее, а дети за нею бежали

С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам

Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой

Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой

Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам

Эту жалкую странницу, чистый, дымом за-

тменный

Огонь красоты, народом теснимую. Верно,
приюта

Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое;
дом наш

Светом наполнит она благодатным». Пред-
ставилась старой

Матери царской младая царская дочь. И
царица,

Ласковым взором встретя ее, сказала при-
ветно:

«В самом затменье печали твой образ сия-
ет, как в темной

Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и по-
крыто

Нищенским рубищем тело твое; одна, без
защиты

Странствуешь ты по земле и людей не
страшишься, как чистый

Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?»
Дружелюбной

Речью такой ободренная, так Дамайанти
сказала:

«Я не ангел, царица, я смертный простой

человек; но породы

Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой с супругом,

Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,

Женским себя рукодельем питаю; плоды и коренья

Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.

Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем избранный,

Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив

Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,

Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой

Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.

Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,

Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен

В жертву беде, у того похищает и ветер и птица

Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным...

Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула...

Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину

Бедной одежды моей. С той поры и денно и

Вслед за ним, весельем и светом души, я по

Диким лесам, по широким степям, по долинам

Странствую; мне половину одежды моей

Должен иль взять у меня мою половину, сердцу

Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая

Надобна, так и мне другую себе половину

Должно найти иль жить перестать». С состраданием царица,

Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься

С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце,

Светлая близость твоя. Не медля нимало,
повсюду

Мы разошлем гонцов за супругом твоим;
но случится

Может, что он ненароком зайдет и сюда,
где его ты

Будешь ждать в безопасно-спокойном при-
юте». На то ей

Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаян-
ти:

«Здесь я охотно останусь, если ты мне обе-
щанье

Дашь, царица, условие исполнить такое:
чтоб низкой

Должности я не имела, служа лишь тебе,
чтоб объедков

В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне
запрещен был

Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной
овладеть пожелает,

Смертью наказан немедленно был, – такую
дала я

Клятву богам, чтоб найти помогли мне су-
пруга; видаться ж

Только с одними браминами буду. Когда

ты, царица,

Примешь такое условие мое, то здесь с благодарным

Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню

Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала

Вызвать из внутренних царских покоев царевну Сунанду,

Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным

Резвопрелестных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда

(Мать ей сказала), эту пришелицу в бедной одежде?

Ей ты летами ровесница; но испытания жизни

Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;

Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою

Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею

Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской

За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась

С той поры Дамаянти подругой царевны Сунамды.

2

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,

Сумрачен, шел по пустыне и, сам пустыня, с собою

В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце

Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,

Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти

Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут

Платья ее глаза обращал. Изнуряемый жаждой,

Раз подошел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,

С ужасом кинулся прочь. «О! если б я мог разлучиться

С этим лицом, чтоб быть и себе и другим

незнакомым!» —

Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел

Пламя — не пламя в лесу, а в пламени лес, — и оттуда

Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли

С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?

Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». Изумленный,

Наль спросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?

Где ты и кто ты?» — «Я здесь, в огне, благородный, могучий

Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою

В пламя вступить и дойти до меня?» — «Ничего не страшусь я,

Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен

Стал моей Дамаянти». С сими словами он прямо

В пламя пошел; оно подымалось, лилось из глубоких

Трещин земли, вырастая в виде ветвистых
деревьев,

Густо сплетенных огнистыми сучьями,
черно-багровый

Дым венчал их вершины. В сем огненном
лесе

Наль очутился один – со всех сторон
устремлялись

Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где
шел он,

Частой травой из земли пробивалось
острое пламя.

Вдруг он увидел в самом пылу, на огром-
ном горячем

Камне змею: склубяся, дымяся, разинутой
пастью

Знойно дышала она под своей чешуей рас-
каленной.

Голову, светлой короной венчанную, тяж-
ко поднявши,

Так простонало чудовище: «Я Керкота, зме-
иный

Царь; мне подвластны все змеи земные;
смиранный пустынный

Старец Нерада проклял меня и обрек на та-

кую

Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты,
рассказ мой

Слушая, стой здесь покойно; стой покойно
под страшным

Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно
затушило

Бурю души, чтоб душой овладевший Кали
был наказан,

Чтоб, наконец, ты, очищенный, снова на-
шел, что утратил».

3

«Слушай же повесть мою, – продолжал, за-
дыхаясь от жару,

Царь змеиный; и Наль, терпеливо снося
нестерпимый

Пламень, внимательно слушал. – Нерада,
смиранный пустынный,

Чудный сад насадил вокруг кельи своей; и в
саду том

Были все земные деревья и травы, и было
Много там светлых ручьев и сеней про-
хладно-тенистых.

В этот сад пригласил он всех незловредных

животных,

Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать

Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями

Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им

В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил

Только одним, не имеющим жала, безвредно по травке

Вьющимся, росу собирая с цветов, иль из ягод сосущим

Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых

Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,

Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям

Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит

Домик воздушный, сплетенный из тонких былинки и моха;

Он на ветке висел и качался, как люлька; то было

Гнездышко маленькой птички; самой же
крылатой хозяйки

Не было в нем; она улетела за пищей; яички,
ки,

Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде.
Перегнувши

Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо
опустила

Головку змейка – и видит яйцо там лазурного
цвета;

Каплей росы оно показалось, и змейке на-
питься

Вдруг захотелось: лизнула яйцо; яйцо рас-
кололось.

В эту минуту птичка в гнездо прилетела;
увидя,

Что там наделала змейка, бросилась с жа-
лобным криком

Дрямо к Нераде она. Нерада во гневе ужа-
сен.

Тут же погибла бы змейка, когда б не успе-
ла проворно

Из саду скрыться. Она спаслася ко мне. Но
блаженный

Старец потребовал строго, чтоб я преступ-

ницу выдал.

Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?»

Как повелишь ее мне казнить? Я царь; самому мне

Должно виновных наказывать подданных». – «Видеть хочу я

Завтра ж ее на заборе сада висящую, – строго

Мне отвечал Нерада, – потом, по прошествии трех дней,

Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался

Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышленным делом».

Был мне прискорбен такой приговор; как родную любил я

Эту милую змейку; поспешней других и вернее

Вести она приносила ко мне. Предо мной извиваясь

В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.

Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно

Было того повторять; в минуту в новой
одежде

Змейка явилась моя, на земле предо мною
оставив

Старую. Тотчас, двух сильных удавов при-
звав, я велел им

Кожу пустую с приличным обрядом пове-
сить на тыне

Сада. Когда через три дня он снимет ее, то,
конечно,

Станет думать, что солнце ее иссушило, —
так мыслил

Я, уповая, что мой мне удастся обман. И до-
волен

Был Нерада моим послушаньем, увидя на
тыне

Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как жи-
вая, —

Молвил Нерада, — она гибка и вертлява; но
краски

Кожи потускли: бледная смерть ее обхва-
тила».

Тем бы и кончилось все, когда б, на беду,
не пропела

Птичка. Она недовольна была законною

казнью:

Собственным мщеньем себя ей хотелось
потешить; к висящей

Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мерт-
вой

Выклевать, – что же? Их нет; сквозь пустые
скважины также

Видит она, что и внутренность кожи пуста.
И к Нераде

Тотчас она полетела. «Тебя обманули; зме-
иный

Царь не змейку, а змейкину кожу пове-
сил», – пропела

Птичка. Страшно Нерада разгневался;
вдруг он явился

Здесь, где тогда я на этом камне лежал и
на солнце

Грелся один – при мне ни ужа, ни змеи, ни
дракона,

Стражей моих, тогда не случилось; я спал.
На громовый

Голос Нерады проснувшись, хотел я вско-
чить, но, могучим

Взором его обессилен, не мог шевельнуть-
ся. «Предатель, —

Старец сказал мне, – меня обмануть тебе
удалось:

Призрак за сущность я принял; змеиную
кожу пустую

Вместо змеи я предал огню, и виновную
спас ты.

Сам за нее наказание прими. Не сойдешь
ты отныне

С этого камня; но будешь здесь не на сол-
нечном свете

Греться – я пламя иное зажгу вокруг тебя; не
сторая,

Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тос-
ки и меняя

Кожу за кожей в напрасной надежде, что
жар утолится.

Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к
тебе издалека

Некто придет, самому себе ненавистный и
образ

Свой утратить желающий. Если его из сре-
дины

Пламени ты позовешь и он бесстрашной
стопою

В пламень войдет, чтоб избавить себя от

мучений, сильнее

Муки твоей его раздирающих; если доста-
нет

Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого
жара спокойно

Выслушать повесть твою, – тогда ты спа-
сен, прекратится

В ту же минуту твое наказание, и сам, по
исходе

Года со днем, он все возвратит, о чем со-
крушается сердцем.

Но чтоб в страданье своем ты мог к себе из-
далека

Звать своего искупителя, имя его я открою:

Он называется Налем». С этими словами
Нерада

Скрылся, и муки мои начались. Окружала
мой камень

Голая степь; вдруг услышал я шорох и
треск; озираюсь —

Всюду из трещин земли, как острые иглы,
выходит

Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и
выше

Вьется, все ярче и ярче пылает; прикован-

ный к камню,

Чувствую я, как все подо мною, как все на-
до мною,

Камень, на коем лежал я, и воздух, коим
дышал я,

Мало-помалу в пронзительный жар обра-
щалось; сначала

Было то пламя как тонкая, гибкая травка;
слилось

Скоро оно в кустарник густой; напоследок
воздвиглось

Лесом широким, в котором каждое дерево
было

Все из огня; языками горящими листья шу-
мели;

Ветви со всех сторон вились, как молнии;
в вихорь

Огненный слившись, качались вершины;
и дым громовою

Тучей над ними клубился. Теперь на себе
испытал ты,

Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я
жался,

Пламень вытягивал тело мое до тех пор,
покуда

Кожа на нем не лопалась; снова потом на
минуту

Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же
мученье.

Целых семь лет протекло с той поры, как
лежу я на этом

Камне в огне, а времени медленный ход
замечал я,

Каждый час повторяя однажды: придешь
ли, придешь ли

С мукой твоею к муке моей, о Наль благо-
датный?

Вот наконец и пришел ты. Но знай, что
здесь о тебе я

Частые слухи имел; мне подвластные
змеи, которым

Все на земле дороги известны, ко мне еже-
дневно

Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно
исполнив

Долг свой и весть передав мне, в огне пре-
до мной умирала;

Видишь, как много здесь собрано кож их
истлевших. От них-то

Мог я проведать о том, как ты полюбил Да-

маянти;

Как цари и царевичи созваны были в Видарбу;

Как мой гонитель Нерада, пресытись земными плодами,

Сад небесный богов посетил; как там он посеял

Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье

Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами

Был ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,

Также и то, что тебе самому досель неизвестно:

Как закрался Кали в твое непорочное сердце.

Сведав, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой

Бродишь нагой по горам и степям, что ее, наконец, ты

Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро

Сбудется то, что теперь и сбылось. Благоговляю,

Наль, и тебя и приход твой; уже мучитель-
ный пламень,

Жегший доныне меня, уступает сходящей
от неба

Сладостной свежести. Наль, не страшись,
приступи и, на палец

Взявши меня, из пламени выдь». Керкота
умолкнул,

Свился проворно легким кольцом и повис-
нул на пальце

Наля; и с ним побежал из пламени царь, и
при каждом

Шаге его оно слабело и гасло и скоро

Все исчезло, как будто его никогда не бы-
вало.

Свежий почувствовав воздух, трепетом
сладким спасенья

Весь проникнутый, быстро отвившись от
Налева пальца

Змей бесконечной чешуйчатой лентою
вдруг растянулся;

С радостным свистом пополз к тому он ру-
чью, где, увидев

Образ свой, Наль самого себя испугался,
глубоко

Всунул голову в воду и с жадностью дол-
гую жажду

После толь долгого жара стал утолять – ис-
тощились

Воды ручья, а змей по-прежнему сделался
полон.

Силы свои возвратив, он, блестя чешуею
на солнце,

Налю сказал: «Подойди; перед нашей раз-
лукой ты должен

Зубы мои перечесть; в таком долголетнем
от муки

Скрежете много зубов я мог потерять иль
испортить».

Наль подошел; перед ним оскалились зу-
бы; считать он

Начал: первой, другой, четвертый. «Ошиб-
ся, ошибся, —

С гневом царь змей зашипел, – ты не на-
звал третьего зуба».

С этим словом кольнул он третьим, нена-
званным зубом

Наля в палец – и тут же почувствовал
Наль, что с собою

Он как будто расстался; сперва свой соб-

ственный образ

В зеркально-светлом щите, на царевой шее
висевшем,

Он увидел; потом тот образ мало-помалу
Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-по-
малу

Место его заступил другой, некрасивый;
и Налю

Стало ясно, что это был образ его же, и бо-
ле

Не был он страшен себе самому в таком
превращенье.

«Видишь, – Керкота сказал, – что желанье
твое совершилось;

Ты превращен, ты расстался с собой, и от-
ныне никем ты,

Даже своею женою не можешь быть узнан.
Простимся;

В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб
мог быть опасен

Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце
проникнул,

Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает:
отныне

Будет он жить там и мучиться. Ты ж, пре-

вращенный, с надеждой

Путь продолжай; ищи в чужих странах
пропитанья;

Но не забудь о стихийных дарах, от богов
полученных

В брачный день; они для тебя не потеряны;
помни,

Наль, об этом; и также твое искусство ко-
нями

Править тебе сохранилось. В царство Айод-
ское прямо

Путь свой теперь обрати; там увидишь ца-
ря Ритуперна;

Нет на земле никого, кто с ним бы срав-
нился в искусстве

Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука,
правитель

Коней», – скажи ты ему про себя; и если он
спросит,

Много ли можешь в день проскакать? «Сто
миль», – отвечай ты.

Он твоему научиться искусству захочет; за
это

Сам научит тебя искусству считать; без
него ты

В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство

Это получишь, страданья твои прекратятся, следа не оставив;

В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,

Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом

Часе вспомни и в этот щиток поглядишь; кто владеет

Этим щитком, того на земле все змеи боятся».

Так говоря, Керкота одну из зеркально-светлых,

Шею его украшавших чешуек снял и, подавши

Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое

Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он

Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Наль, разлучившись с змеем, пошел в Айод-
ское царство

Службы искать у царя Ритуперна, который
давно уж

Принял к себе и Варшнею, прежде служив-
шего Налю.

Мудрый царь Ритуперн, великий конский
охотник,

Лучших искусников править конями сби-
рал отовсюду.

Наль, через десять дней пришедши в Айо-
ду, к царю Ритуперну

Тотчас явился. «Я конюх Вагука, – сказал
он, в искусстве

Править конями мне равного нет; сто
миль проскакать их

В день я заставить могу. И во многом дру-
гом я искусен:

Пищу никто так вкусно, как я, не умеет го-
товить.

Всякое дело, для коего нужны и труд и умение,
нъе,

Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,

В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:

«В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне

Главным конюшим моим; надзирай за моими конями

К скачке проворной их приучая; за службу же будешь

Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея

Конюх искуснейший в деле своем, с ним старый Джевала,

Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки

Будешь с ними досуг свой делить; и свободен ты делать

Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».

Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуперна,

Царь без царства, муж без жены, изгнан-

ник, лишенный

Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно

Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною

Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,

Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой

Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,

Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый

Вечер, что Наль, убравши коней, один за-творялся

В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:

«Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?

Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне

Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.

Где утешение, в чем утоление скорби находишь?»

Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту

Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?

Кто же та, о которой такую грустную песню

Так заунывно поешь ты?» – «Пою про жену сумасброда,

Ею избранного, ею любимого, ум и богатство

Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,

Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,

Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная

Скорби своей утоленья ни днем, ни ночью, бездомным

Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,

Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпеньем

Пьет он свою преступленьем налитую, горькую чашу,

Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь

собою

Делит. Она же, которая с ним и в беде не рассталась,

Им в пустыне забытая... Где она? Что с ней? Лишь чудо

Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной

Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.

Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я

Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

Бима, царь Видарбы, узнав о бедствии Наля, Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал

Всех видарбинских брахманов и так им сказал: «Отыщите

Дочь мою Дамаянти и Наля-царя; кто узнает,

Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит

Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный

Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной

Вестью об них ко мне возвратится, также получит

Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,

Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;

Всюду, по всем областям, городам, деревням, по безлюдным

Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам

Долго ходили они; но напрасно – ни слуха,
ни вести

Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дама-
янти.

Вот, наконец, один из брахманов, Судева,
достигнул

Города Шедди, и там во дворце, на празд-
нике царском,

Он Дамаянти увидел. Подле царевны Су-
нанды,

В платье печальной вдовы, на лице покрыва-
вало, близ светлой,

Радостной девы она там стояла – жена, по
супруге

Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз
без сиянья,

День без солнца, краса, двойным покровом
от взоров

Скрытая – черным платьем и черным го-
рем. Увидя

Этот прекрасный, невидимо блещущий
свет, догадался

Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он
подумал:

«Тот же образ я вижу, который столь сла-

достно светел

Был в то утро, когда все земные цари и владыки,

С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно

Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.

Это она, полногрудая, темно-кудрявая, райским

Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха

Мира; она, молодая лилея, лишенная корня,

Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;

Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом

Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,

Некогда быстро бежавший, как лунная ночь по затменье

Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;

Это она, достойная жить в перламутровом царском

Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;

Славная царской породой в горьком бесславном изгнанье;

Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,

Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце

Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете

Муж – украшенья жены; потеряв сей небесно прекрасный

Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий

Наль? Перенес ли разлуку с такою женою иль мертвый

Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает

Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече

Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.

Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,

К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,

С милым души, с властителем жизни
встретится в мире

Так, как звезда встречается с месяцем? Ско-
ро ль

С трона низверженный Наль возвратит Да-
маянти и трон свой?

О! какое блаженство тогда для обоих, друг
другу

Равных прелестью, доблестью, знатностью
рода и славой

Предков! Мне должно теперь подойти с
утешительным словом

К ней, сокрушенной». Так говорил много-
мудрый Судева

Сам с собою; потом он к тому приблизился
месту,

Где одиноко стояла среди многолюдства с
печальной

Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза
Видарбы, —

Ей он сказал, — я Судева, брахман видар-
бинский; царь Бима,

Твой родитель, жив, и здоров, и царствует
мирно;

Здравствует с ним и твоя благодушная

мать, управляя

Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,

Мирно цветя под защитою деда и бабки.

Но горе

Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету

Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги

Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;

Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних

Спрашивать. «Выросли ль дети?» – она напоследок спросила.

С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных

Длинных ресниц покаталися крупными каплями слезы.

Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда,

Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша

Гостья плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,

С ним знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль». Тогда из покоев внутренних
вышла

Мать-царица; увидя брамина, она повеле-
ла

К ней его привести; и его расспрашивать
стала

Так: «Расскажи мне об ней что ведаешь.
Кто и какого

Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родны-
ми какою

Странной судьбою рассталась? И здесь ты
ее по какому

Тайному признаку мог распознать? Обо
всем откровенно

Мне расскажи». И, сев на ему указанном
месте,

Так рассказывать начал Судева, брамин
многомудрый.

«Царствует ныне в Видарбе царь Бима, до старости поздней

В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,

Дочь видарбинского Бимы, жена нишадского Наля.

Наль же, сын Виразены, бывший владыка Нишады, безумно

В кости все царство свое проиграл недостойному брату.

С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он

Без вести. Бима послал нас отыскивать дочь. И случайно

В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье

Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете

Нет Дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.

Есть притом и примета: на лбу под густыми

Кудрями светлая скрыта звезда, как за об-

лаком месяц;

С нею она родилась; ее сам Брама заметил
Знаком святым благодати; но знак сей од-
ним лишь браминам,

Видящим здесь красоту неземную, служи-
телям Брамы

Может быть видим; и я очами брамина,
как золото

В темной руде, как в пепле горячем огонь
сокровенный

Тотчас узнал Дамаянти, красы несказан-
ной светило».

Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут ца-
ревна Сунанда,

Тихо подкравшись к подруге, с ее головы
покрывало

Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших
прекрасный

Лоб видарбинской царевны, откинула: яр-
ко, как месяц,

Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда
благодати.

То увидя, Сунанда в слезах умиленья при-
пала

К сердцу ее; царица заплакала также; и все

три,

Крепко обнявшись, слиянные сердцем, стояли безмолвно,

Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала

Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, Дама-янти.

Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судеман;

Бима выбрал сестру, меня избрал Виравангу.

Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы

Вместе с сестрой навестили в Даферне отца. И тогда уж

Эта звезда сияла на лбу у тебя. Догадалась Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей

грустной явилась

Здесь, и дочью сердце тебя нарекло. Оставайся ж

С нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну

Царство также твое. Живи в любви и согласье

С нами; будь дочью мне, будь нежной

сестрою Сунанде».

«Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила, – отвечала

Тетке своей Дамаянти, – не знала нужды, под защитой

Верной была и в горе встречала веселье; но будет

Мне веселее в Видарбе с родным отцом и с родною

Матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими

Ближними розно; отсюда слышится мне, как сиротки

Дети мои, по матери плача, ее издалека

Кличут и ей говорят: без отца мы; на что ж нам

Быть и без матери? Если свое благотворное дело

Ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее

Средство в Видарбу к своим возвратиться». «Исполнена будет

Воля твоя, красота звездоносная», – так отвечала

Мать-царица; потом, с позволения сына,

Владыки

Царства шеддийского, в путь снарядила
милую гостью;

Пищу с питьем на дорогу сама царица Су-
нанда

Ей приготовила; дали коней с колесницею;
дали

Также и стражей, дабы ее на пути охраня-
ли;

С плачем расстались потом. И вот, нако-
нец, возвратилась

К ближним своим Дамаанти. И много в Ви-
дарбе веселья

Было при встрече ее. Когда ж Дамаанти со
всеми

Свиделась, с милою матерью, с добрым от-
цом и с родными

Братьями, сродников всех и знакомых уви-
дела, к сердцу

В сладких слезах прижала детей, – то пер-
вой заботой

Было ее принести благодарность богам и
браминов

Всех одарить. И Бима исполнил свое обе-
щанье:

Тысячу жирных быков с селом, богатым
как город,

Я он брамину Судеве. Награду такую сначала

Он обещал лишь тому, кто найдет Дамаянти и Наля;

Но, блаженный свиданием с дочерью, он
уж не думал

Боле о Нале. Зато не забыла о нем Дамаянти.

Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день

Матери так Дамаянти сказала: «Если ты хочешь

Жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного Наля».

То услыша, царица заплакала горько и слова

Ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе

С нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем

Все жилище ее наполнялось. И вот что царица

Биме, властителю многих народов, сказа-

ла: «Открыла

Сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по
милому

Нале тоскует она несказанно. А где он?

Удастся ль

Так же найти и его, как найти удалось Да-
маянти?»

Бима при этих словах опять вызывает бра-
минов

Новую службу ему сослужить. «Святые бра-
мины, —

Им говорит он, — идите по всем путям и до-
рогам

Наля отыскивать; с ним разлученная, гас-
нет от горя

Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в
путь изготовясь,

Все собрались к Дамаянти услышать ее по-
веленье;

Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и
сказала

Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни
искали —

В городе ль, в царском дворце ли, в дерев-
не ли, в хижине ль бедной —

Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:

«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,

В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,

В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно

К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу

Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула

В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли

Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита

Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,

Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»

Помните эти слова и их везде повторяйте.

Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это

Наль; и тогда немедля разведайте, кто он? Когда же

Словом каким он вам возразит, то скорее,
скорее

Это слово мне передайте, брамины. Но
будьте

С ним осторожны, чтоб он догадаться не
мог, что за ним вы

Посланы мной, и чтоб снова не скрылся.
Идите с богами

В путь свой, брамины, ищите Наля, везде
повторяя

Грустную песню мою, воздыханья любви
сокрушенной».

Данные им наставленья принявши, по раз-
ным дорогам

Все разошлись брамины отыскивать Наля;
и всюду,

В людных, больших городах, в богатых па-
латах, в убогих

Хижинах, в темных лесах, по горам, по по-
лям, по долинам,

Где только был человеческий след,
неусыпно искали

Наля они, везде повторяя слова Дамаянти,
Грустную песню ее, воздыханья любви со-

крушенной.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

1

Вот по странствии долгом один из браминов, Парнада

Именем, с вестью такою пришел к Дамаянти: «Повсюду

Наля искав безуспешно, пришел, наконец, я в Айоду.

Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;

Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных

Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,

Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель

Царский с руками короткими, малого роста, Вагука

Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;

Видом он некрасив; зато великий искусник готовить

Пищу, так же чудесно правит конями: он может

В сутки сто миль проскакать их заставить.
И вот что с глубоким

Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне
этот Вагука:

«В бедности, в горести терпят безропотно с
верой смиренной

Неба достойные, долгу супружества вер-
ные жены;

Сердце их кроткое нежным прощением
мстит за обиду.

Если в безумии все свои радости, свет и
усладу

Жизни, расставшись с верной подругою,
жалкий преступник

Сам уничтожить мог; если, отчаянный,
платя лишенный

Хитрыми птицами, голодом мучимый, он
удалился

Тайно от спутницы, если он с той поры
денно и ночью

Все утраченной плачет и сетует – доброй
женою

Будет оплакан он; что б ей ни встретилось

доброе, злое,

Нежному, верному сердцу покажется горе
не горем,

Радость не радостью; будет лишь памятно
бедствие мужа,

Тяжкой виной своей в горе лишенного вся-
кой отрады».

Эти услышав слова, я решился немедля пу-
ститься

В путь обратный. Царевна, сама теперь ты
рассудишь,

С доброю ль вестью к тебе я пришел». Да-
маянти, Парнаду

Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей
сказала:

«Слушай, родная; о том, что я сделать хочу,
мой родитель

Бима ведать не должен; хочу я брамина Су-
деву

В царство Айоду послать; награды своей
половину

Он заслужил, вот случай ему заслужить и
другую:

Вам возвратил он меня, пускай возвратит
вам и Наля».

Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно

Все учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши

Щедро Парнаду, царица сказала: «Когда возвратится

Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый

След нам к нему указал». И доволен остался Парнада

Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,

Так сказала: «Судева, иди к царю Ритуперну

В царство Айоду; явися ему, но так, чтоб подумал

Царь Ритуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что

Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Бима

Снова сзывает в Видарбу царей и цариц; снова

Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много

К ней женихов». И ежели знать пожелает

он, скоро ль

Должен быть выбор, назначен ли день, от-
вечай ты: «Я вижу,

Царь, что тебе одному неведомо то, что из-
вестно

Целому свету; день назначенный – завтра;
и если

Сам ты отведать счастья намерен, то мо-
жешь в Видарбу

Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть ко-
нюх, искусный

Править конями; он в сутки сто миль про-
скакать их заставит;

Только не медли: завтра, чем свет, Дамаян-
ти объявит

Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, вер-
но, погиб он.

Если же хочешь ты знать, от кого я о ска-
занном слышал,

Знай, государь, что я слышал о том от са-
мой Дамаянти».

Вот и приходит Судева к царю Ритуперну. То было

Рано поутру. И только что ложную повесть брамина

Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее

Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился —

«Верный конюший, — сказал Ритуперн, — мне должно в Видарбу

Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;

Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство

Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,

Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»

Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.

«Что замышляет, — подумал он сам про себя, — Дамаянти?

Или она от скорби лишилась ума? Иль ка-

кую

Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб
она на такое

Дело решилась, она, непорочная, верная,
светлый

Ангел любви? Неужель, оскорбленная
мною так жестоко,

Хочет отметить мне она, смиренно –
незлобный эдемский

Голубь? Но женское сердце изменчиво;
я же пред нею

Слишком виновен; прекрасную младость
ее погубил я;

В долгой разлуке со мною разлучилась она
и с любовью.

Но, позабывши меня, как могла позабыть
Дамаянти

Наших детей? Мне должно разведать, что
ложь и что правда

В этом слухе, и волю царя для себя я испол-
ню».

Так он в мыслях решил и, покорно ко гру-
ди прижавши

Руки, царю отвечал: «Несомненно, испол-
нена будет

Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в
Видарбу

К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел,
чтоб надежных

Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых,
ноздристых,

Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой
шерстью,

С длинными шеями, с гривой встопорщен-
ной, огненно диких.

Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь,
Вагука, —

С гневом сказал он, — как будто в насмеш-
ку, из целой конюшни

Выбрал ты самых негодных коней. В такую
дорогу

Можно ль на клячах подобных пускаться?» — «То добрые кони,

Царь-государь, — Вагука отвечал, — вот
и приметы:

Две на лбу, одна на груди и три на копы-
тах;

Духом домчимся на этих конях до Видар-
бы; но если

Выбрать других ты желаешь, то сам укажи

их; готов я

Волю исполнить твою». — «Пускай по-твоему будет, —

Царь отвечал, — тебя не учить мне; закладывай, едем».

Выбранных им четырех коней заложил в колесницу

Наль и сел в нее с Ритуперном: и с ними, по просьбе

Наля, сел Варшнея. Собравши в могучую руку

Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний,

Наль закричал: «Изготовьтесь вы, добрые кони; чтоб нынче ж

Быть нам в Видарбе!» И, дрогнув, пред ним на колени упали

Кони; легким движеньем руки опять он их поднял

На ноги, голос смягчил и, ласковым словом придав им

Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслись как вихри.

Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем.

В то же время, расслушав, сколь был таинственно звучен

Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском

Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали,

Думу глубокую думал Варшнея: «Откуда Вагука

Мог получить таксе искусство и кто он? Не сам ли

Коней державного бога богов повелитель Металис?

Или он Наль, сокрывший себя под личной уроды?

Налева образа нет здесь, но есть здесь Налева сила.

Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий

Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины

Здесь, на земле, иногда превращенные, странствуют тайно.

Этот уродливый конюх не может быть Налем великим;

Тот же, под кем, как гроза в небесах, гре-

мит колесница,

Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал

Молча Варшнея и в бедном Вагуке угадывал Наля.

3

Кони, без крыльев крылатые, властью Наля как буря

Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.

Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,

Стой! – он сказал. – Пускай Варшнея подаст мне повязку». —

«Поздно! – ответствовал Наль – Вагука, – уж мы отскакали

Более мили; оставим повязку». Царь изумился;

Вдруг он увидел вдали Вибитаку, ветвисто-густою

Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука, – сказал он, —

Здесь, на земле, никто не имеет всезнанья; в искусстве

Править конями ты первый; зато мне да-
лось искусство

Счета, и знаю я тайну играть на верное в
кости.

Видишь ли там, вдалеке, то ветвистое де-
рево? Много

Листьев на нем и много плодов; но много
их также,

С ветвей упавших, лежит на земле. Так
знай же: упало

Листьев четыреста три, и с ними свали-
лось сто десять

Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок
девять; на сучьях

Листьев осталось пять миллионов и во-
семь; плодов же

Тысяча триста пятнадцать созревших, во-
семьсот сорок

Три созревающих, семьдесят восемь гни-
лых. Хоть поверку

Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В
эту минуту

Были они уж близ дерева. «Стойте, — вос-
кликнул Вагука, —

Добрые кони; такому чудному счету нель-

зя мне

Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и
листьев

Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея по-
держит

Вожжи, покуда я буду считать». Ритуперн
ужаснулся.

«Что ты задумал, Вагука? – сказал он. – Не
время нам медлить».

Но Вагука (был умысел свой у него) непре-
менно

Счет поверить хотел. «Подожди, – царю от-
вечал он, —

Или – если уж так ты поспешен, – прямо,
все прямо

Этой дорогой ступай; Варшнея будет коня-
ми

Править». На то Ритуперн возразил, стара-
ясь Вагуку

Лаской смягчить: «Не упрямясь, добрый
Вагука; в искусстве

Править конями тебе подобного нет, и в
Видарбу

Только с тобою одним поспеть нам к вече-
ру можно.

Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же

Доле меня; я сделаю все в твое угожденье,
Если только в Видарбу доедем прежде, чем сядет

Солнце". Вагука вместо ответа, коней удержавши,

С козел сошел и начал спокойно считать по порядку

Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.

"Счет плодов без ошибки, – сказал он царю Ритуперну. —

Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев?»

Царь кипел нетерпеньем. «Будь же доволен, Вагука,

Разве мало тебе одного доказательства?» – «Мало,

Царь-государь, – Вагука сказал, – но если ты хочешь

Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много

Счесть в такое короткое время?» – «Знай же, – воскликнул

Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки), —

Я одарен могуществом счета и тайным искусством

В кости играть наверное». — «Ежели так, то теперь же

То и другое мне передай; в замену искусство

Править конями получишь», — сказал Вагука. «Согласен, —

С гневом ответствовал царь, — и могущество счета и тайну

В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,

Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только

Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись

Очи, и он все ветви, плоды и листья Виби-таки

Разом мог перечесть; и в то же мгновенье, когда он

Данную силу в себе ощутил, сокрытый до толе

В сердце его искуситель Кали оттуда ис-

торгся,

Дымом и мглою своей обхватил Вибитаку.

При первом

Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро,
однако,

Он очнулся и, видя лицом к лицу пред со-
бою

Злого врага своего, хотел проклясть нече-
стивца;

Но Кали возопил, поднявши руки смирен-
но:

«Наль, воздержися от клятвы; уже доволь-
но наказан

Был я проклятьем, в минуту страданья тво-
ею женою

Против меня изреченным (хотя и был ей
неведом

Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в
тебе, как в темнице,

Столь же был горем богат, сколь ты был ра-
достью беден.

Мучимый ядом царя Змеиноного, денно и
ночно

Сам я себя проклинал. Пощади же меня,
благодарушный

Наль; я отныне бессилен; отныне каждый,
кто повесть

Бедственной жизни твоей прочитает, тебя
прославляя,

Будет от козней моих огражден и власти
подобных

Мне зловредных духов недоступен». Смяг-
ченный молящим

Словом врага побежденного, Наль воздер-
жался от клятвы.

Сам же Кали в Вибитаку вселился, и пол-
ное жизни

Дерево мигом засохло. При чуде таком изу-
мился

Царь Ритуперн (того ж, что с Налем в эту
минуту

Делалось, видеть и слышать не мог он). Ед-
ва искуситель

Скрылся – от муки избавленный, радостно
блещущий, новой

Жизнию пламенный, вдвое могучий, сел в
колесницу

Наль, и кони помчались; а он, упредив их,
душою

Был уж в Видарбе, там, где была Дамаянти,

куда он

С сердцем свободным от зла, но все еще
бедный, бездомный

Царь, возвращался под видом чужим, ни-
кому не знакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы до-
стигнул

Царь Ритуперн. Немедля о госте неждан-
ном царь Бима

Был извещен, и, им приглашенный, в сия-
нье вечернем

Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как
гром отзывался

Стук колесницы его с осьми сторон небо-
склона.

Налев стук и Налев скок почувяли тотчас

Налевы кони (которых, еще до изгнанья
царева,

К Биме с детьми сама Дамаянти прислала);

Радостным ржаньем, как будто при Нале,
они отвечали

Дружно на звук, им знакомый; и, вслушав-
шись в звук сей, подобный

Гулу глубокому грома, сама Дамаянти сму-
тилась;

Что-то родное, бывалое, Налево в вещее
сердце

Вдруг проникло – так и жена и кони узна-
ли

Разом Наля по стуку его колесницы. И в
стойлах

Царских слоны и на кровле дворцовой пав-
лины, расширив

Радугой пышной хвосты, при этом неслы-
ханном стуке

Вдруг встрепенулись; подняли хобот сло-
ны; закричали,

Вытянув шею, в радостном страхе павли-
ны, как будто

Чуя грозы, обещающей дождь, приближе-
нье. И с райским

Трепетом, вся обращенная в слух, про себя
Дамаянти

Так говорила: «Мне этот стук колесницы и
этот

Топот, тревожащий небо и землю, на-
сквозь проникают

Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой
желанный!

Если его я нынче ж лицом к лицу не уви-

жу,

Если нынче же в сладких объятиях Наля
не буду,

Если это не он, столь чудно гремящий, не
светлый

Наль, мой царь, мой спаситель; если меня
обмануло

Сердце, то более жить мне не должно; и в
жаркое лоно

Пламени брошусь, чтоб кончить тоску оди-
нокия жизни.

О! теперь позабыто все прошлое: жизнь об-
новилась;

Страх одиночества, стыд нищеты, беспри-
ютность, разлуки

Тяжкая боль – из сердца изглажено все;
я не помню

Слова обидного, взгляда сурового; помню
одно лишь

Счастье святое любви, лишь его, избранно-
го сердцем

Радость души, благородного, кроткого,
сильного волей,

Тихого правом, разумом мудрого, сердцем
младенца,

Наля, мою надежду, спасение, жизнь.
Непрестанно
Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком
Голосе, нежных речах, и, всею душой погружаясь
В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым, —
Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных
Мыслях таких Дамаянти сидела тогда на дворцовой
Верхней площадке с служанкой своей, молодой Кезиной.
Вот и видят они, что на двор широкий влетели
Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице
Были трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея;
Где же Наль?... С томительным страхом глядит Дамаянти;
Видит царя; Варшнею потом узнает; напо-

следок

Смотрит на их безобразного спутника – ей
незнаком он.

Тою порой Ритуперн сошел с колесницы;
Варшнея

Также; Вагука начал разнуздывать коней:
и в это ж

Время вышел и Бима гостю навстречу.
Друг другу

Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не
знали,

Что друг другу сказать. Ритупери, осмот-
рясь, не заметил

В царском дворце ничего, что б канун
означало большого

Праздника; он подумал: «Я был легковерно
обманут

Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здра-
вья и долгих

Лет тебе я желаю». Бима таким же привет-
ным

Словом ответствовал. «Что, – потом он
спросил, – привело к нам

В нашу столицу Видарбу такого великого
гостя?»

Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого

Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском

Доме, владыка Айоды отвечивал: «Видеть хотел я,

Царь благодушный, тебя и, с тобой познакомясь, проведать.

Все ли в твоём благоденствует царстве?»
Мудрому Биме

Станным ответ такой показался, и было ему непонятно,

Как могло прийти на ум царю Ритуперну
Путь такой предпринять лишь затем, чтоб проведать, здоров ли

Царь Видарбы, ему незнакомый. “Тут есть, – он подумал, —

Верно, другая причина. Узнаем мы после».

И, руку

Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим,

Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью.

Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся,

Что ни прикажешь, все будет исполнено».
Вместе с Варшнеей
Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука,
отпрягши
Добрых коней, отвел их в конюшню; по-
том, возвратясь,
Сел на прежнее место свое в колеснице и
скоро
В грустную думу весь погрузился. Его Да-
маянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель
обманулось
Сердце мое? – сказала она. – Но стук колес-
ницы
Был мне знакомый, был подлинно Налев...
А Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенял? Или
открыли
Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаанти
Мучилась тяжким сомнением; вот, нако-
нец, обратясь
К верной Кезине, служанке своей, она ей
сказала:

«Слушай, Кезина, поди и проведай, кто в колеснице

Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,

Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся

Выспросить, кто он? Меня подозренье тревожит: не сам ли

Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что

Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,

Те слова, которые всюду браминам велела Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа

Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,

Ты заметь и мне передай». Кезина к Вагуке Тотчас пошла; Дамаянти ж, на прежнем месте оставшись,

Сверху смотрела на них. Кезина, приближась к Вагуке,

Так сказала ему: «Благородные гости, будь

в добрый

Час вам приезд ваш в Видарбу; царская
дочь Дамаянти

Мне приказала узнать, зачем вы здесь я от-
куда?»

«Мы из Айоды, царю Ритуперну подвласт-
ного царства, —

Так Вагука сказал. — Узнав от брамина, что
будет

Снова супруга себе выбирать Дамаянти,
айодский

Царь на своих быстроногих конях, которы-
ми правлю

Я, сюда прискакал, чтоб явиться с другими
на выбор».

«Ты не один при царе; вас двое; кто твой
товарищ?

Кто ты сам, и откуда, и как к царю Риту-
перну

В службу вступил?» — «Мой товарищ Варш-
нея, бывший конюший

Наля; меня называют Вагука; что я не кра-
савец,

Это ты видишь; служу у царя на конюшне,
но мог бы

Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен

Вкусную пищу готовить, как править конями». «Скажи ж мне, —

Снова спросила Кезина его, — не дошла ль до Варшнеи

Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слышал ли?»

«Налевых бедных детей, — Вагука сказал, — проводивши

К деду и царских коней оставив в Видарбе, Варшнея

В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля

Он не знает, и нет на земле никого, кто о ней бы

Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте

Царь укрывается. Наль один на свете о Нале

Знает, да та лишь одна, кто с Налем одно; никому он,

Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков».

«Но (сказала Кезина) брамин, посетивший

Айоду,

Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:

«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,

В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,

В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно

К ней ты пришел, о тебе лишь тоскует она и ни разу

Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула

В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли

Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита

Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,

Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»

Помнишь ли, что на эти слова отвечал, ты брамину?»

Весь побледнев, неподвижно смотрел на Кезину Вагука;

Долго, пронзенный незапною болью любви, не имел он

Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,

Полные слез, опустив, напоследок тихо сказал он:

«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной

Неба достойные, долгу супружества верные жены;

Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду;

Если в безумии все свои радости, свет и усладу

Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник

Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный

Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился

Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью

Все по утраченной плачет и сетует – доброй женою

Будет оплакан он; что б ей ни встретилось

доброе, злое,

Нежному, верному сердцу покажется горе
не горем,

Радость не радостью – будет лишь памятно
бедствие мужа,

Тяжкой виной своей в горе лишенного вся-
кой отрады».

С этим словом вся Налева скорбь пробуди-
лась в Вагуке;

Он застонал, и слезы из глаз полилися. Ке-
зина

Тотчас ушла, спеша обо всем известить Да-
маянти.

«Это Наль (Дамаянти сказала в слезах, с замираньем

Сердца Кезину выслушав), это мой царь, мой владыка,

В виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезина,

Снова. Вблизи притаись и внимательно следуй за каждым

Шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь,

Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро

Ужин начнет он готовить царю Ритуперну – смотри же,

Так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья

Пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он

Делать; и все другое, что в нем покажется чудным,

Также мне опиши». Кезина пошла и, исполнив

Волю царицы, явилася к ней с своим доне-

сеньем:

«Нет! ни прежде видать не случилось, ни
после увидеть

Мне не случится того, что теперь предо
мною сбылося:

Этот Вагука не просто земной человек; он с
богами

В явном союзе; ничто для него ни низко,
ни тесно;

К низким дверям подойдет – головы не на-
клонит, а сами

Двери над ним приподымутся; тесное ме-
сто просторным

Вдруг при его приближенье становится.
Всяких припасов

Вместе с посудой царь Бима велел пригото-
вить, чтоб ужин

Он для царя Ритуперна сварил; но воды,
как тобою

Было приказано, не дали; он того не заме-
тил,

Только взглянул – и водой все сосуды на-
полнились; также

Он и огня под дрова попросить не подумал,
а только

Взял соломы – и мигом сама собою солома
Вспыхнула. Много другого заметила я: без
обжоги

Голой рукой разгребал он огонь; вода заки-
пала,

Только что к ней он касался. Но чудо по-
следнее боле

Всех других изумило меня: засохшую розу
Он увидел; в пыли она без листьев лежала;
Он ее поднял, взглянул на нее, и явилась
живая

Роза в руке у него на месте прежней, по-
блекшей.

После такого неслыханно чудного дела, ца-
рица,

Я побежала немедля к тебе». Но уже Дама-
янти

Боле сомненья иметь не могла: то явные
были

Знаки Наля, то были дары, полученные в
самый день брака

Им от богов, и она, уж блаженствуя, видела
сердцем

Наля желанного там, где еще для очей был
Вагука.

«Сбегай опять ты к нему, – сказала Кезине
царица, —

Запах от пищи, им приготовленной, чудно
приятен;

Хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси
у Вагуки

Мяса жаркого кусок». Побежала Кезина к
Вагуке

Снова и скоро назад возвратилась с дымя-
щимся мясом.

Налев знакомый ей вкус Дамаянти узнала,
отведав

Мяса. «Он здесь! он здесь! – в восхищенье
она повторяла

Мысленно. – Боле сомнения нет. Но долго
ль он будет

Светлый свой образ таить от жаждущих
взоров и мучить

Бедное сердце мое нестерпимым жела-
ньем свиданья?»

Так сокрушаясь, она наконец приказала
Кезине

Взять детей и вывести их из дворца, чтоб
Вагуке

Их показать мимоходом. Лишь только Ва-

гука увидел

Двух малюток, цветущих детей Дамаянти
и Наля,

Столь давно потерявших отца, – в нем ду-
ша загорелась;

Кинулся к ним он навстречу, по имени на-
звал обоих,

К сердцу прижал, и заплакал, и долго, дол-
го, слезами

Их обливая, от них оторваться не мог, но,
опомнясь,

Вдруг отскочил и Кезине сказал: «Я также
имею

Двух детей малолетних, сына и дочь; со-
вершенно

С этими сходны они, и давно я с ними в
разлуке.

Вот отчего я и был так сильно встревожен
их встречей;

Но, послушай, люди заметят, что часто ко
мне ты

Ходишь, и будет тебе оттого без вины наре-
канье;

С миром отсюда поди и боле ко мне не яв-
ляйся».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась

Сделать опыт последний и матери вот что сказала:

«Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю».

Царица, согласно

С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько

Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным

Стал, наконец, пред лицом своей Дамаянти. Безгласен

Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,

Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.

Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти

Молча стояла, пронзительный взор на

него устремивши.

«Дай ответ мне, Вагука, – она напоследок сказала, —

Знал ли ты верного мужа, который был бы способен

Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой

Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,

Бросить одну, без одежды, без крова, без пищи, дотоле

Нежно любимую им и ничем, ни делом, ни словом,

Ниже каким помышленьем пред ним не виновную? Вот что

Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.

Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я

Сердце его на такое предательство? Он пред богами

Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги

Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной

Как же, Вагука, он мог изменить своей Да-
маянти,

Радостным сердцем и горе, и бедность, и
стыд, и изгнанье

С ним разделившей, той изменить, кото-
рой сказал он

Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я
отныне

Буду чтить и любить, защищать и питать,
и с тобою

Горе и радость, богатство и бедность и все
неизменно

В жизни делить обещаюсь?» Вагука, скажи
мне, как мог он

Так измениться, так все позабыть?» Сокру-
шенный и бледный,

Слушал в безмолвии Наль укоризны своей
Дамаянти.

Очи ее, светозарные звезды, были покры-
ты

Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь
густые ресницы

Падали слезы. Своею виной уничтожен-
ный, тихим,

Трепетным голосом Наль отвечал: «Что

Нишадское царство

Было проиграно Налем, не он в том,
несчастный, виновен:

Злобный Кали обезумил его, и им же, коварно

Вкравшимся в сердце к нему, очарованный
Наль в исступленье

Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты –
не зная,

Кто он, – врага своего прокляла, твои поразили

Клятвы Кали, спокойно владевшего Налевым
сердцем; и с тех нор

Адски страдал он, как в пламени пламень
горя, заключенный

В страждущем Нале, как в мрачной тюрьме.
От нечистого духа

Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы
свободен,

Если, увидясь с женою, найдет, что ему сохранила

Верность она и любовь. Теперь отвечай,
Дамаянти,

Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила
ль ты верность?

По свету ходят гонцы от тебя и отсюда
сзывают

Новых к тебе женихов в замену погибшего
Наля.

Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и
сам я,

Бедный конюший Вагука, его конями был
должен

Править, чтоб мог он поспеть на счастли-
вый выбор». Услышав

Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с
чистым

Взглядом небесного ангела, ангел земной,
Дамаянти

Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, те-
бе ль, предпочтенный

Мною богам, меня оскорблять таким подо-
зреньем?

Ведай: сама я послала брамина к царю Ри-
туперну

С ложною вестью о выборе новом в Видар-
бе. Узнало

Сердце мое, что Вагука был ты, и невин-
ный обман мой

Был удачен – ты мне возвращен. И с клят-

вою правды

Здесь государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою

Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:

Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.

Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;

Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,

Если я что не достойное верной жены сотворила;

Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,

Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,

Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,

Если я что не достойное верной жены сотворила;

Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает

Тайное все в небесах и тайное все в поднебесье,

Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,

Если я что не достойное верной жены сотворила.

Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю.

Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду».

Так вызывала и небо и землю в свидетели чистой

Жизни своей Дамаянти; и вот ей откликнулся с неба

Ветер я так свой ответ из пространства лазурного свежим

Словом провеял: «Как небо мое, чиста Дамаянти,

Долгу верна, в любви неизменна, слова ее правда;

Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут

Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласие».

Ветер умолкнул, и райской прохладой отовсюду повеял

Воздух весны, и упали цветы дождем бла-

ГОВОННЫМ

С неба при звуке воздушных тимпанов. Та-
ким несказанно

Чудным свидетельством Наль, исцелен-
ный от всех подозрений,

Вспомнил о том, что ему сказал царь –
змея на прощанье,

В данный им зеркальный щит поглядел, и
в минуту явился

Прежним Налем, и руки простер к своей
Дамаянти.

С криком пронзительным кинулась в них
Дамаянти, и этот

Миг единый стократ заплатил им за дол-
гие муки.

Голову Наля прижавши к своей целомуд-
ренной груди,

В сладком забвенье всего, в упоенье любви
Дамаянти

Долго безгласна была; она то сквозь слез
улыбалась;

То трепетала, пронзенная радостью; то от
избытка

Счастья глубоко вздыхала. И боги любви
опустили

Тайную брака завесу на них, сочетавшихся
снова

Дорого купленным браком. Так, наконец,
отдохнули

Вместе они, до блаженства достигнув доро-
гой печали.

Память минувшей разлуки, радость свиданья,
живая

Повесть о том, что розно друг с другом они
претерпели,

Мыслей и чувств поверенье, раздел и слия-
нье,

Все в одном заключилося чувстве: мы вме-
сте; и память

Прошлых бед настоящею радостью, све-
том, от тени

Более ярким, печальныя были веселым
рассказом

Сделалось. Так, по долгой в изгнанье тоске,
возвратился

Наль к Дамаянти, как солнце из зимнего,
хладного знака

В знак весны возвращается; так Дамаянти,
приникнув

К сердцу Наля, опять расцвела, как сияю-

щий вешним

Цветом сад живей расцветает, дождем орошенный.

Тут пропели два соловья им песню такую:
«Снова Дамаянти с Налем неразлучны;
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья, так ликует в небе
Ночь, когда ей светит друг, желанный месяц».

2

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица-

Мать разбудила царя неожиданно – радостной вестью.

«Наль возвратился, – Биме сказала она. – Дамаянти

С мужем опять, и снова с ними согласие».

Бима
Поднял брови, незапною вестью такой изумленный.

Тут царица открыла ему, какой Дамаянти Хитростью Наля – царя заманила в Видарбу, какую

Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И

ей, улыбаясь,

Бима ответствовал кротко: «Я вашу женскую хитрость

Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился

Наль с Дамаянти и с ними их дети. Приблизился к тестю

Наль, Дамаянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,

Ласково принял царь благодушный Бима и нежным

Взглядом поздравил дочь с возвратившимся счастьем.

Скоро потом пришли и братья и подали руку

Налю и братски с сестрой обнялись; потом отовсюду

Стали сходиться сродники, ближние; вот напоследок

Вся Видарба наполнилась шумом торжественным; дамы

В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;

Площади, улицы все закипели народом, и в храмах

Жертвы зажглися. И вот, наконец, до царя Ритуперна

Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился

В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать

Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,

К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный

Царь нишадский, с благой переменой судьбы, с возвращеньем

Прежнего вида и боле всего с обретением милой,

Верной жены. И если я что неудобное сделал,

Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском

Жил ты слугой у меня, то в том виноват без вины я;

Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья».

«Царь Ритуперн, – отвечивал Наль, – оскорбленья и тени

Я не видал от тебя; но когда б и обижен то-

бою

Был я, то Налю – царю обид, нанесенных
Вагуке —

Конюху, брать на себя неприлично. Тебя
же давно я,

Царь Ритуперн, и чту и люблю как царско-
го брата.

Мне благосклонным ты был господином,
когда под твоею

Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь
благосклонным

Другом будь мне, царю нишадскому Налю.
Ты видишь

Сам, что Вагуке конюшим твоим уж не
быть; без сомненья,

Также захочет в прежнюю службу всту-
пить и Варшнея.

Но в убытке ты, царь Ритуперн, не оста-
нешься; дар мой

Править конями тебе отдаю я рукою и сло-
вом,

Так же как сам от тебя могущество счета с
искусством

В кости играть получил, и ныне в Айоду
ты столь же

Быстро приедешь один, сколь быстро при-
ехал оттуда

Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю,
что удастся

Выиграть мне с искусством, тобою мне
данным». Друг другу

Подали руку цари на любовь и союз; и в
Айоду

Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя
нетерпеньем

Выиграть трон свой, также недолго остал-
ся в Видарбе.

3

Месяц проживши у тестя, с избранной дру-
жиною храбрых

Наль пошел, наконец, на свое Нишадское
царство;

Сам он сидел в колеснице блестящей; могу-
чие кони

Бешено прыгали, твердой руке его покоря-
ясь;

Следом за ним шестнадцать слонов боевых
с крепостными

Башнями, полными ратников, шли; за сло-

нами скакали

Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними

Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться

Вел их Наль, а украсить свое вступленье в Нишаду.

Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:

«Ты оставайся под кровлей отцовской, куда не ввел я

Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,

Счастье прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты

В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый

День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же

В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата

В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».

Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом

Взоре, полном небесной души, была уж победа.

Быстрою бурей Наль полетел, и скоро достиг он

В грозном величии царства, из коего некогда вышел

Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне

Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю

К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь

Все Нишадское царство – довольно ль с тебя? Но сначала

Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь

Ты – то все, чем владеешь, будет моим, и над самой

Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю

Я – то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:

Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.

Полно же медлить; тебе по законам игры

мне на вызов

К новой игре отказать невозможно; и вла-
стен теперь ты

Выбрать из двух любую игру: в железо иль
в кости.

Хочешь отведать меча – выходи; я рад по-
единку;

Царство, наследье отцов, должны сохра-
нять мы, покуда

Наше оно, когда же его мы утратили – си-
лой

Должны уметь нам его возвратить; так
учили нас предки.

Час наступил: принимайся, Пушкира, за
меч иль за кости;

Или тебе живому не быть, иль я Дамаянти
С жизнью тебе уступлю». На этот вызов

Пушкира

Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще
раз с тобою

В кости счастья отведать; то будет игра ро-
ковая;

Горя с тобой в нищете Дамаянти довольно
терпела;

Власть и богатство со мною разделит она и

забудет

Прошлое скоро; а я и на троне нишадском
всечасно

Думал об ней и ждал, что придешь ты;
и вот напоследок

Ты пришел, и будет моей Дамаянти, и боле
Мне ничего на земле желать не останется». Этим

Дерзким ответом разгневанный, меч свой
хулителю в сердце

Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но,
собой овладевши,

Он сказал, трепеща, и кипя, и сверкая: «Бе-
зумец,

Полно хвастать, играй: проиграешь – за-
платишь!» И кости

Брошены – все решено: обратно Нишад-
ское царство

С первым ударом выиграл Наль у Пушка-
ры. Со смехом

Он, победитель, взглянул на него, побеж-
денного. «Что ты

Скажешь теперь? Мое законное царство,
которым

Думал владеть ты, по-прежнему стало мо-

им и отныне

Будет в крепких руках; теперь меж царем
и меж царством

Третий никто не дерзнет протесниться.
Мою ж Дамаянти

Ты и во сне недостойн увидеть; ты раб мой
отныне;

Так решила судьба. Но слушай: не властью
твоею

Некогда был я низвержен с престола; Ка-
ли – искунитель,

Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал,
безрассудный;

Знай же теперь, что отмщать на тебе пре-
ступленья чужого

Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
Вечно с тобой, и вражды да не будет меж

нами, Пушкара,

Брат мой; живи, благоденствуя многие,
многие годы».

Весь уничтоженный благостью брата, пред
ним на колена

Бросился, плача, Пушкара: «О, Наль Пунья-
лока, да будет

Милость богов и всякое благо земное с то-

бою!

В скромном уделе моем я, твой подданный,
буду спокойней

Жить, чем на троне твоём, где покой мой
основан

Был на ударе неверных костей; и своими
отныне

Буду я столь же любим, сколь был ненави-
дим твоими.

Прежде, однако, очищу себя от вины омо-
вением

В Гангесе грешного тела; в его благодатные
волны

Брошу, прокляв их, враждебные кости, ко-
торыми злые

Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Да-
маянти

В блеске прекрасного солнца, скажи ей,
чтоб гнева

В сердце ко мне не питала и, прежнее горе
забывши

Вдвое блаженна была очищенным в опыте
счастьем».

Примечания

Наль и Дамаянти есть эпизод огромной Индейской поэмы Магабараты. Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна Индейская повесть о Нале и Дамаянти. Вот что говорит А.-В. Шлегель об этом отрывке: «По моему мнению, эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естествен-

ным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти
есть самая любимая из народных повестей в
Индии, где верность и героическое самоот-
вержение Дамаянти так же известны всем и
каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

[^^^]